

**STUDENCKIE
ZESZYTY NAUKOWE
(W)KOŁO ROSJI**

NR 2-3/2020

Redaktor naukowy tomu:
dr hab. Władimir Miakiszew, prof. UJ

Redaktor naczelny:
Karolina Stawiarz

Redakcja:
Michał Kózka

Okładka:
Szymon Drobnik

Nakład:
100 egzemplarzy

Skład i druk:
AT Wydawnictwo / AT Group
www.atwydawnictwo.pl

„Studenckie Zeszyty Naukowe Wkoło Rosji” zostały wydane przy wsparciu finansowym Rady Kół Naukowych UJ

Przedruk całości lub poszczególnych fragmentów za zgodą wydawcy
ISSN 1898-4444

Adres redakcji:
Koło Naukowe Studentów Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ
„(W)Koło Rosji”
ul. Ingardena 3, 30-060 Kraków
<http://wkolorosji.wordpress.com/>
e-mail: zeszytynaukowe@gmail.com

SPIIS TREŚCI

I. Dział językoznawczy

Angelika Klusek

Одним ли голосом говорят президент России и его пресс-секретарь? 7

II. Dział literaturoznawczy

Aleksandra Brzuzy

*Угасание дворянских гнезд
(на материалах повести „Суходол” И. А. Бунина)* 19

Natalia Mojsilović

*Miłość w świetle filozofii chrześcijańskiej: duchowa przemiana
Aleksieja Karenina w kontekście biblijnym i tołstoizmu* 29

III. Dział translatologiczny

Joanna Sawuła

*Прозвище как предмет исследовательского
внимания лингвистов и транслатологов* 43

IV. Dział kulturologiczny

Dominika Potocka

Przegląd portali społecznościowych 57

I. Dział językoznawczy

Angelika Klusek

Filologia Rosyjska, II rok SUM, UJ

ОДНИМ ЛИ ГОЛОСОМ ГОВОРЯТ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ И ЕГО ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ?

У нас две тысячи сотрудников Администрации, неужели Вы думаете, что я каждого контролирую? Вон Песков сидит напротив, мой пресс-секретарь, он несёт иногда такую «пургу», я смотрю по телевизору и думаю: чего он там рассказывает? Кто ему это поручил?

В.В. Путин¹

Пресс-служба в сегодняшнее время представляется неотъемлемой частью коммуникационной деятельности различных учреждений. По словам А.И. Гнетнева, пресс-служба – это „один из важнейших механизмов управления в органах государственной власти”². Едва ли не самым преданным и незаменимым помощником президента является пресс-секретарь, обязанностью которого является поддержка связи с общественностью от имени главы страны. Пресс-секретарь – это официальное лицо государства, владеющее внутренней конфиденциальной информацией³.

Как известно, пресс-секретарь является посредником между властью и средствами массовой информации. Основной, но не единственной целью его работы считается информирование общества по разным вопросам, сохранение интересов власти и создание о ней безупречного общественного мнения⁴. Пресс-секретарь на каждом шагу сопровождает президента, в его правах и обязанностях – давать информацию или комментарии от имени главы го-

1 Путин рассказал, что иногда Песков „несет пургу”, <https://ria.ru/20180310/1516075772.html> [режим доступа: 29.06.2020].

2 А.И. Гнетнев, М.С. Филь, *Современная пресс-служба*, Москва 2009, с. 10.

3 Е.Н. Роготнева, М.В. Симакова, *Роль пресс-секретаря в структуре аппарата президента Российской Федерации*, „Вестник науки Сибири” 2014, № 3 (13), с. 63.

4 Е.М. Фоминых, *Искусство регулирования кризисной ситуацией – важнейшая задача пресс-секретаря президента*, „Вестник Марийского государственного университета” 2016, т. 10. № 2 (22), с. 63.

сударства. Осуществляя свою работу путем непосредственного обсуждения вопросов с президентом, пресс-секретарь в своих выступлениях выражает государственную позицию⁵. Он же руководит аппаратом специалистов, которые готовят речи для главного политика страны. Эффективная работа пресс-секретаря — это залог хорошего имиджа президента. То, как свои обязанности выполняет пресс-секретарь, отражается прежде всего на главе государства.

Исходя из вышесказанного главными функциями и задачами пресс-секретаря президента являются:

1. внешняя функция – его непосредственной обязанностью является организация пресс-конференций и брифингов, где он может общаться с журналистами, отвечать на их вопросы и предоставлять комментарии, а что важнее – информировать граждан о работе главы государства;
2. охранная функция – защита служебной информации, государственной тайны;
3. внутренняя функция – сбор и анализ информации о деятельности президента⁶.

Человеку, находящемуся на таком ответственном посту, нужно обладать профессиональным опытом, эрудицией, ничем не запятнанной репутацией и целым набором иных обязательных качеств. Необходимо внушать доверие, быть сдержанным, уравновешенным, а главное – уметь хранить тайны руководителя. Всеми этими качествами, кажется, обладает Дмитрий Сергеевич Песков, исполняющий ныне обязанности пресс-секретаря президента Российской Федерации.

После окончания Института стран Азии и Африки в 1989 году он начал работать в Министерстве иностранных дел СССР, а затем РФ. В 1990–94 гг. занимал должность дежурного референта, атташе и третьего секретаря посольства России в Турции, а до 1996 года работал в центральном аппарате МИДа. Позже получил повышение до первого секретаря посольства РФ в Турции. С начала президентства В.В. Путина по 2008 год Песков работал в Администрации президента РФ, где был начальником отдела по связям со СМИ, а затем заместителем начальника Управления пресс-службы президента РФ и заместителем пресс-секретаря президента. С 2008 по 2012 год являлся пресс-секретарем председателя правительства и одновременно занимал должность заместителя руководителя Аппарата правительства РФ. После вступления Путина на третий срок президентства Песков вернулся в Администрацию главы государства стал заместителем руководителя этой службы, а также пресс-секретарем президента РФ⁷.

Как видим, получив хорошее образование, Д.С. Песков с успехом поднялся по карьерной лестнице и последовательно занимал все более высокие должности. Многолетняя практика работы пресс-секретарем в важных го-

5 Е.Н. Роготнева, М.В. Симакова, *Роль пресс-секретаря...*, с. 63.

6 Там же.

7 *Биография Дмитрия Пескова*, <https://tass.ru/info/4649593> [режим доступа: 21.05.2020].

сударственных органах, опыт дипломатической службы и, конечно же, хорошие контакты с В. Путиным обеспечили стремительный профессиональный рост Д. Пескова.

Наш интерес к работе нынешнего пресс-секретаря российского президента вызвал язык, которым он пользуется во время официальных выступлений. Насколько индивидуализированной является речь Д. Пескова, похожи или различаются манеры высказывания президента и его главного представителя в области масс-медиа, можно сказать, официального рупора?

Как известно, Владимир Путин отличается свободой своих высказываний, его слова нацелены на привлечение внимания широкого круга общественности. Одной из характеристик языка президента является строгая логичность, поддерживаемая использованием различных средств акцентирования⁸. Аргументируя выражаемое содержание, он умело использует синтаксические и интонационные языковые ресурсы языка, подчеркивает важность той или иной информации⁹. Но главными особенностями речи В. Путина являются все же простота, конкретность и образность высказываний, что во многом достигается благодаря обращению к ресурсам разговорной речи, а иногда и просторечия. Идет это вразрез со стереотипным представлением о речи государственного мужа, однако такая практика вполне себя оправдывает, и „общедоступность” высказываний стала уже неотъемлемым элементом речевого портрета Путина.

Язык, используемый Песковым, во многом отличается от речи президента РФ. Роль пресс-секретаря во многом заключается еще и в том, чтобы нивелировать, сглаживать „острые углы” в речи политика. Старательно придерживаясь официального тона, Песков практически не прибегает к сниженной лексике, действует как дипломат в официальном общении – использует официальный стиль с опорой на ресурсы дипломатического, законодательного и административно-канцелярского подстилей. Во всяком случае в его речи можем выделить некие штампы, присущие именно этим подстилям. Впрочем, дипломатическое начало нередко берет верх: в выступлениях Пескова часто отсутствует конкретика, что позволяет говорящему не брать на себя ответственности за сказанное.

Чтобы показать очевидную разницу речевых портретов В.В. Путина и Д.С. Пескова, обратимся к примерам их высказываний в отношении одних и тех же событий.

Совсем недавно Путину пришлось поздравлять россиян с праздником Воскресения Христова в нелегкое для страны время – период распространения коронавирусной инфекции. Кроме благих пожеланий граждане услышали сведения о том, как Россия борется с болезнью и какие меры предпринимаются для приостановки эпидемии.

8 Ю.С. Альшеева, *Речевой портрет В.В. Путина*, „Вестник Волгоградского государственного университета”, сер. 2: „Языкознание” 2012, №2 (16), с. 172.

9 Там же.

Путин: Да, все меры по защите жизни и здоровья людей, по поддержке экономики требуют дополнительных и больших ресурсов и резервов. Они у нас есть. Мы их используем – *рачительно, точно*, исходя из складывающейся ситуации и прежде всего для помощи людям, тем семьям, которые оказались сейчас в сложном положении. (...) У нас в народе говорят: *на бога надейся, а сам не плошай*. Мы так и делаем. Но в этот светлый праздник Воскресения Христова всё-таки так и хочется сказать: всё будет хорошо с божьей помощью¹⁰.

Как видим, президент обращается к россиянам, используя простой и понятный язык. В качестве риторического приема Путин употребляет синонимический повтор¹¹. Слово *точно* поясняет здесь устаревшее *рачительно*, поскольку последнее может быть не всеми распознаваемо. Для оживления речи в данном фрагменте выступления используется поговорка *на бога надейся, а сам не плошай*, в которой народная мудрость гласит о том, что можно, конечно, надеяться на помощь со стороны, но лучше полагать на собственные силы.

Д. Песков, обращаясь к журналистам с комментарием по той же теме, избегает образности. В своем высказывании придерживается официально-делового стиля, однако не избегает также обращения к газетным штампам. В отличие от Путина пресс-секретарь строит речь длинными развернутыми предложениями, ср.:

Песков: Эта неделя показала, что *количество заболевших ежесуточно растет*. Это говорит о том, что мы не *вышли на плато*. Соответственно,ждемся следующей недели. Мы сидим на карантине три недели, на следующей неделе есть надежда, что мы какие-то *первые признаки выхода на плато* увидим. Наверно, в течение недели надо будет принимать какие-то решения о дальнейшем режиме. С полным приоритетом здоровья граждан, но еще и с необходимостью *не дать задохнуться экономике*, которая и так *находится в тяжелом кризисном состоянии* из-за обстоятельств, с которыми мы все столкнулись¹².

Следующее привлекшее наше внимание выступление президента РФ прозвучало на встрече с ветеранами, проводимой в Петербурге в рамках подготовки к празднованию Дня Победы. Путин пообещал открыть центр, в котором будут храниться документы, касающиеся Второй мировой войны, а также выразил свое отношение к зарубежным средствам массовой информации, которые часто целенаправленно переиначивают историю в свою пользу¹³.

10 Поздравление с праздником Пасхи, <http://kremlin.ru/events/president/news/63222> [режим доступа: 21.05.2020].

11 И.И. Радченко, *Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи*, „Научная мысль Кавказа” 2013, №1, с. 130.

12 Песков: *Россия может выйти на плато по коронавирусу на следующей неделе*, <https://ria.ru/20200419/1570262392.html> [режим доступа: 21.05.2020].

13 Путин пообещал заткнуть „поганный рот” тем, кто переписывает историю, <https://ria.ru/20200118/1563581123.html> [режим доступа: 21.05.2020].

Путин: Мы *заткнем рот* тем, кто пытается переиначить историю, подать ее в ложном свете и *принизить* роль наших отцов и дедов, наших героев, которые погибли, защищая свою Родину и практически весь мир от коричневой чумы, от нацизма (...). Мы *заткнем поганый рот*, который открывают некоторые деятели за бугром, для того чтобы достичь сиюминутных политических целей, мы *заткнем* его правдивой фундаментальной информацией¹⁴.

В своем экспрессивном высказывании политик несколько раз употребляет словосочетание *заткнуть рот*, эта идиома, как известно, несет на себе печать грубой просторечности со значением ‘заставлять замолчать кого-либо’¹⁵. В речи Путина также появляется бранное слово *поганый*, указывающее на „отвратительность и мерзость”¹⁶. Неоднократное употребление, „нагнетение” словосочетания не только придает выразительность речи говорящего, но подчеркивает и укрепляет его мысль в сознании слушателей.

Д. Песков, высказываясь на схожую тему, избегает резких выражений, вполне обходится средствами официального стиля, а также включает в текст избитые газетные штампы, ср.:

Песков: Речь пойдёт о гуманитарном сотрудничестве с зарубежными странами, причём не только на государственном, но и общественном уровне, чтобы продвигать действительно объективную информацию о нашей истории и Великой Победе в Великой Отечественной войне. Вы знаете, что линия на искажение реальности, искажение истории имеет место, и, конечно, мы все обязаны противодействовать и активно противодействовать этой линии¹⁷.

На пресс-конференции с президентом Ксения Собчак, задавая вопрос, заявила, что власть боится конкуренции и поэтому оппозиционерам приписываются фиктивные уголовные дела, на что Путин ответил:

Путин: Я Вас уверяю, власть никого не боялась и никого не боится. Но власть не должна быть похожа на бородатого мужика, который лениво выковыривает капусту из своей бороды и смотрит на то, как государство превращается в какую-то мутную лужу, из которой олигархи выковыривают и ловят для себя золотую рыбку, как это было у нас в 90-х годах и как сегодня это на Украине происходит. Мы же не хотим второго издания сегодняшней Украины для России? Нет, не хотим и не допустим¹⁸.

14 Владимир Путин: „Мы заткнем поганый рот, который открывают некоторые деятели за бугром”, https://echo.msk.ru/blog/day_video/2573079-echo/ [режим доступа: 21.05.2020].

15 А.И. Федоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка*, https://phraseology.academic.ru/4621/%D0%97%D0%B0%D1%82%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%80%D0%BE%D1%82 [режим доступа: 21.05.2020].

16 Д.Н. Ушаков, *Толковый словарь русского языка*, <https://slovar.cc/rus/ushakov/431714.html> [режим доступа: 21.05.2020].

17 Песков: Мы обязаны противодействовать линии искажения истории, <https://life.ru/p/1000270> [режим доступа: 21.05.2020].

18 Путин поспорил с Собчак о боязни оппозиции, <https://www.interfax.ru/elections2018/591842> [режим доступа: 21.05.2020].

Президент умело использует тактику акцентирования, выделяя свою мысль с помощью ссылки на свое восприятие проблемы с привлечением для пущей убедительности глагола *уверять*¹⁹. Он также включает в высказывание повтор *никого не боялась и никого не боится*, который с большей силой подчеркивает значимость высказывания. Путин не побоялся здесь сравнить руководство страны 90-х гг. и украинскую власть с *бородатым мужиком*, приводя этот пример как образец плохого бездействующего правительства. Подспудно идет указание на то, что сам нынешний президент не намеревается на украинскую власть равняться. Во фрагменте появляются две аллегории, с помощью которых политик выражает свою мысль с привлечением образов. Укажем также на присутствие риторического вопроса, который по существу представляет собой утверждение²⁰.

Песков же говорит об оппозиционерах сухо и в отличие от Путина не относится к примерам, его дипломатическое высказывание построено на штампах, ср.:

Песков: Есть люди, которые претендуют на то, чтобы быть *несистемными оппозиционерами*. Можно *констатировать*, что все они *весьма маргинализованы, сегментированы* и до сих пор не *демонстрировали* какой-либо способности для объединения усилий на политическом поприще²¹.

Следующее выступление В.В. Путина прозвучало на заседании дискуссионного клуба „Валдай”, где президент отметил, что Россия не намерена быть инициатором ядерной войны, однако добавил, что это смертоносное оружие может быть использовано для нанесения ответного удара, ср.:

Путин: *Агрессор* должен знать: *возмездие неизбежно*, все равно он *будет уничтожен*. А мы как *жертва агрессии*, мы как мученики попадем в рай, а они *просто сдохнут*. Потому что они даже раскаяться не успеют²².

Президент прямо говорит о том, каким образом Россия ответит на военный удар, а, обращаясь к таким понятиям как *агрессор* и *жертва*, подчеркивает, как в случае нападения распределятся роли. Еще раз акцентируя внимание на том, что РФ не намерена первой на кого-либо нападать, политик остро предрекает, что станет с теми, кто попытается атаковать Россию. Просторечный глагол *сдохнуть* в этом контексте должен показать, кто будет неправ в трагической для всего мира развязке.

19 Д. Иоакимиди, *Риторические особенности публичной политической речи Президента России В.В. Путина*, „Электронное научное издание Альманах Пространство и Время”, т. 8, вып. 2, 2015, с. 3.

20 Там же, с. 4.

21 Песков назвал *несистемную оппозицию в России маргинализованной*, <https://www.interfax.ru/russia/699533> [режим доступа: 21.05.2020].

22 „*Агрессоры сдохнут, а мы попадем в рай*” — Путин об ответе на ядерный удар, <https://ria.ru/20181018/1530986472.html> [режим доступа: 21.05.2020].

Упомянутое высказывание могло восприниматься слушателями как реальная угроза, свою роль сыграл здесь твердый и решительный тон голоса президента. Понятно, что к столь резким словам требовались пояснения со стороны пресс-секретаря. Д. Песков смягчил риторику руководителя. И на этот раз не обошлось без штампов, характерных для официально-делового стиля, ср.:

Песков: У нас в доктрине право на первый удар не зафиксировано, мы не считаем себя вправе *наносить первыми удар*. То есть, мы никогда ни на кого не нападём первыми, вот что сказал президент. Но если на нас нападут, то вот тогда все попадут — кто в ад, кто в рай, и так далее²³.

В одном из выпусков проекта ТАСС „20 вопросов Путину” журналист заметил, что Польша не позвала главу Российского государства на юбилей в Освенцим, а приглашенный на торжества президент Украины В. Зеленский в публичном выступлении рассказывал об исключительных заслугах по освобождению концлагеря 1-го Украинского фронта и 100-ой Львовской дивизии. Путин не замедлил с ответом:

Путин: Не позвали — и не надо. (...) Мы же понимаем, что это *чушь*. Мы понимаем, что все это — конъюнктура сегодняшнего дня. А *миллионы украинцев, которые воевали с Гитлером, воевали с нацизмом?* Это *плевок* для них в лицо. (...) Боятся просто *рот раскрыть* там, потому что сразу преследование начнётся. Я знаю, что там происходит, в сердцах у людей, которые воевали с нацизмом с оружием в руках. Для них это *плевок*. Ну нынешнему президенту Украины хочется быть таким благообразным для действующего сегодня руководства Польши, которое совершает, на мой взгляд, очень большую ошибку²⁴.

В данном фрагменте выступления помимо употребления риторического вопроса внимание привлекают очередные элементы разговорности: слова *чушь* и *плевок*. Первое в словаре объясняется как ‘ерунда, вздор’²⁵, второе в переносном смысле обозначает ‘что-л. неприятное, мерзкое’²⁶. Встречается также просторечное устойчивое выражение *рот раскрыть*, которое толкуется как ‘начать говорить’²⁷.

Пресс-секретарь президента также прокомментировал поведение Польши и В. Зеленского в связи с памятным мероприятием. Однако его речь была построена строго по правилам высокого стиля и в ней отсутствует недопустимая в официальной обстановке лексика. Приводимое ниже высказыва-

23 Песков пояснил смысл слов Путина о судьбе мучеников и агрессоров в случае ядерной войны, <https://www.interfax.ru/russia/634434> [режим доступа: 25.06.2020].

24 Путин назвал чушью слова Зеленского в Освенциме, <https://rg.ru/2020/03/10/putin-nazval-chushiu-slova-zelenskogo-v-osvencime.html> [режим доступа: 25.06.2020].

25 В.В. Химик, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург 2004, с. 719.

26 Т.Ф. Ефремова, *Толковый словарь русского языка*, <http://endic.ru/efremova/Plevok-71894.html> [режим доступа: 25.06.2020].

27 Ю.А. Ларионова, *Фразеологический словарь современного русского языка*, Москва 2014, с. 349.

ние примечательно еще одной своей характеристикой. Поскольку Песков является представителем президента РФ и только поясняет позицию первого лица государства, ему свойственно употребление местоимения *мы*, подчеркивающего, что слова пресс-секретаря – это не только его личное мнение. Модальное словосочетание *по нашему убеждению* указывает на неполную степень уверенности говорящего, из чего следует, что Песков не хочет брать полной ответственности за сказанное, ср:

Песков: Нет, Владимиру Путину не было приглашения. (...) *Мы категорически не согласны* с этим заявлением. В этом заявлении президент Украины солидаризируется с крайне ошибочной, *по нашему убеждению*, точкой зрения польского руководства и солидаризируется с точкой зрения, которая является оскорбительной для десятков миллионов россиян и граждан стран СНГ, чьи родители, деды, родственники отдали свои жизни за освобождение Европы, в том числе и Польши от фашизма²⁸.

В очередном высказывании главы Российской Федерации общее внимание привлекла фраза про „печенегов и половцев”, использованная Путиным в высказывании о коронавирусной инфекции, нагрянувшей на весь мир и серьезно проявившейся в России, ср.:

Путин: Все проходит — и это пройдет. Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: *и печенеги ее терзали, и половцы*, — со всем справилась Россия. Победим и эту *заразу коронавирусную*. Вместе мы все преодолеем²⁹.

Сравнение президентом РФ пандемии коронавируса с нападениями печенегов и половцев на Киевскую Русь вызвало бурный отклик журналистов и недоумение многих слушателей, усмотревших здесь отсутствие логики. При этом даже пресс-секретарь не смог пояснить слов главы государства, дипломатически отреагировав: „Я не могу вам сказать, что стало источником для этой фразы, но все мы ее слышали”³⁰.

Вскоре оказалось, что В. Путин не первый раз обращался к странным, казалось бы, образам из прошлого Древней Руси. Первое употребление почти аналогичной фразы фиксируется в 2010 году, когда страна боролась с лесными пожарами, ср.: „*И печенеги Россию терзали, и половцы*, и псы-рыцари, и Великую Отечественную мы прошли. Россия всё выстояла, всё пережила. И сейчас, конечно, тоже испытание”³¹.

28 Кремль назвал оскорбительным заявление Зеленского о развязывании СССР Второй мировой, <https://www.kommersant.ru/doc/4234356> [режим доступа: 27.06.2020].

29 Путин: Россия проходила через серьезные испытания, победит и коронавирус, <https://rg.ru/2020/04/08/putin-rossiia-prohodila-cherez-sereznyie-ispytaniia-pobedit-i-koronavirus.html> [режим доступа: 27.06.2020].

30 Песков прокомментировал слова Путина про печенегов и половцев, <https://ria.ru/20200409/1569800086.html> [режим доступа: 27.06.2020].

31 Про «печенегов и половцев, терзающих Россию» Путин уже публично говорил 10 лет назад, https://www.znak.com/2020-04_8/pro_pechenegov_i_polovcev_terzayuchih_rossiyu_putin_uzhe_publichno_govoril_10_let_nazad [режим доступа: 29.06.2020].

Слова президента и в одном, и в другом случае представляют собой не что иное как цитату, воспроизведение фрагмента речи знаменитого российского дореволюционного адвоката Федора Плевако. Именно это сравнение с пережитыми страной напастями помогло Плевако оправдать в суде нищую старушку, которая украла всего лишь чайник³².

В обобщении всего сказанного стоит подчеркнуть, что анализируемые примеры выступлений В.В. Путина лишний раз показывают хорошее владение президентом РФ ораторским искусством. Его речь логична и убедительна, отличается простотой и образностью. Проявляющаяся в высказываниях В. Путина разговорность и даже грубость скорее только помогает в создании строгого имиджа компетентного и близкого к народу руководителя.

Выступления Д.С. Пескова отличает корректность, дипломатичность, обезличенность и заметная „сухость” высказываний. Он компетентно справляется со своей задачей пресс-секретаря и умело смягчает резкую речь президента, пользуясь официальным стилем и держа от себя на расстоянии яркие, образные слова и выражения.

Таким образом, ответ на поставленный в заглавии вопрос очевиден: президент и пресс-секретарь, говоря об одном и том же, могут делать это разными „голосами”. В основе речевого портрета В.В. Путина строгий образ сильного политического лидера. Д.С. Песков в роли пресс-секретаря скорее представляет себя обезличенно, выступает как своего рода фильтр, удерживающий стилистические вольности руководителя. Результатом этого посредничества является передача сути высказываний президента отнюдь не в дистиллированном виде, но средствами привычного, принятого в мировой практике языка дипломатии.

Использованная литература:

Справочные источники

Ефремова Т.Ф., *Толковый словарь русского языка*, <http://endic.ru/efremova/Plevok-71894.html> [режим доступа: 25.06.2020].

Ларионова Ю.А., *Фразеологический словарь современного русского языка*, Москва 2014, с. 349.

Ушаков Д.Н., *Толковый словарь русского языка*, <https://slovar.cc/rus/ushakov/431714.html> [режим доступа: 21.05.2020].

Федоров А.И., *Фразеологический словарь русского литературного языка*, https://phraseology.academic.ru/4621/%D0%97%D0%B0%D1%82%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D1%80%D0%BE%D1%82 [режим доступа: 21.05.2020].

Химик В.В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург 2004.

Литература вопроса

Альшеева Ю.С., *Речевой портрет В.В. Путина*, „Вестник Волгоградского государственного университета”, сер. 2: „Языкознание” 2012, №2 (16), с. 171–174.

Гнетнев А.И., Филь М.С., *Современная пресс-служба*, Москва 2009.

32 Печенег и половцы. Путин повторил шутку адвоката об украденном чайнике. <https://www.svoboda.org/a/30542102.html> [режим доступа: 29.06.2020].

- Иоакеимиди Д., *Риторические особенности публичной политической речи Президента России В.В. Путина*, „Электронное научное издание Альманах Пространство и Время”, т. 8, вып. 2, 2015, с. 1–8.
- Радченко И.И., *Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи*, „Научная мысль Кавказа” 2013, №1, с. 129–133.
- Роготнева Е.Н., Симакова М.В., *Роль пресс-секретаря в структуре аппарата президента Российской Федерации*, „Вестник науки Сибири” 2014, № 3 (13), с. 62–66.
- Фоминых Е.М., *Искусство регулирования кризисной ситуацией – важнейшая задача пресс-секретаря президента*, „Вестник Марийского государственного университета” 2016, т. 10. № 2 (22), с. 62–65.

Интернет-ресурсы

- „Агрессоры сдохнут, а мы попадем в рай” — Путин об ответе на ядерный удар, <https://ria.ru/20181018/1530986472.html> [режим доступа: 21.05.2020].
- Биография Дмитрия Пескова, <https://tass.ru/info/4649593> [режим доступа: 21.05.2020].
- Владимир Путин: „Мы заткнем поганый рот, который открывают некоторые деятели за бугром”, https://echo.msk.ru/blog/day_video/2573079-echo/ [режим доступа: 21.05.2020].
- Кремль назвал оскорбительным заявление Зеленского о развязывании СССР Второй мировой, <https://www.kommersant.ru/doc/4234356> [режим доступа: 27.06.2020].
- Песков назвал несистемную оппозицию в России маргинализованной, <https://www.interfax.ru/russia/699533> [режим доступа: 21.05.2020].
- Песков пояснил смысл слов Путина о судьбе мучеников и агрессоров в случае ядерной войны, <https://www.interfax.ru/russia/634434> [режим доступа: 25.06.2020].
- Песков прокомментировал слова Путина про печенегов и половцев, <https://ria.ru/20200409/1569800086.html> [режим доступа: 27.06.2020].
- Песков: Мы обязаны противодействовать линии искажения истории, <https://life.ru/p/1000270> [режим доступа: 21.05.2020].
- Песков: Россия может выйти на плато по коронавирусу на следующей неделе, <https://ria.ru/20200419/1570262392.html> [режим доступа: 21.05.2020].
- Печенеги и половцы. Путин повторил шутку адвоката об украденном чайнике, <https://www.svoboda.org/a/30542102.html> [режим доступа: 29.06.2020].
- Поздравление с праздником Пасхи, <http://kremlin.ru/events/president/news/63222> [режим доступа: 21.05.2020].
- Про «печенегов и половцев, терзающих Россию» Путин уже публично говорил 10 лет назад, https://www.znak.com/2020-04-8/pro_pechenegov_i_polovcev_terzayuchih_rossiyu_putin_uzhe_publichno_govoril_10_let_nazad [режим доступа: 29.06.2020].
- Путин назвал чушью слова Зеленского в Освенциме, <https://rg.ru/2020/03/10/putin-nazval-chushiu-slova-zelenskogo-v-osvencime.html> [режим доступа: 25.06.2020].
- Путин пообещал заткнуть „поганый рот” тем, кто переписывает историю, <https://ria.ru/20200118/1563581123.html> [режим доступа: 21.05.2020].
- Путин пообещал заткнуть „поганый рот” тем, кто переписывает историю, <https://ria.ru/20200118/1563581123.html> [режим доступа: 21.05.2020].
- Путин поспорил с Собчак о боязни оппозиции, <https://www.interfax.ru/elections2018/591842> [режим доступа: 21.05.2020].
- Путин рассказал, что иногда Песков „несет пургу”, <https://ria.ru/20180310/1516075772.html> [режим доступа: 29.06.2020].
- Путин: Россия проходила через серьезные испытания, победит и коронавирус, <https://rg.ru/2020/04/08/putin-rossiya-prohodila-cherез-sereznye-ispytaniia-pobedit-i-koronavirus.html> [режим доступа: 27.06.2020].

II. Dział literaturoznawczy

Aleksandra Brzuzy

докторантка Wydziału Filologicznego UJ

УГАСАНИЕ ДВОРЯНСКИХ ГНЕЗД (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВЕСТИ „СУХОДОЛ” И. А. БУНИНА)

Деревенская тематика, воплощенная в описании жизни дворян в их родовых поместьях, является одним из главных мотивов творчества Ивана Алексеевича Бунина. Как известно, лауреат Нобелевской премии был представителем обедневшей дворянской семьи. Детство и юность он провел в хуторе Бутырки, воспоминания этих лет нашли отражение в позднейшем творчестве писателя. Именно на основе детских и юношеских впечатлений Бунин – как никто другой – начертил характерное для России угасания дворянских гнезд. Как в *Жизни Арсеньева*, *Антоновских яблоках* и *Деревне*, так и в *Суходоле*, произведения [], достойно продолживши [] традиции русской усадебной прозы, писатель ухватил изнутри типичную для конца XIX и начала XX столетия картину разорения и опустошения имений, наблюдавшуюся во всей стране. В то время тема поместного дворянства заново обрела актуальность из-за предчувствия грядущей катастрофы, декадентского ощущения конца эпохи, неотъемлемой частью которой и являлось поместное ведение хозяйства и вся жизнь помещиков.

Написанная Буниным в 1911 году повесть *Суходол*, будучи посвященной разоренной дворянской семье, в некоторой степени вписывается в критическую концепцию дворянской усадьбы¹. У автора не найдем ни идеализирующего, идиллически-возвышенного образа дворянства, ни подробных описаний старинных интерьеров и портретов почитаемых предков. Для критического подхода, который рельефно представлен здесь в многочисленных фрагментах, характерен фокус на несвободе и страдании героев, на внебрачных любовных связях и жестокости хозяев, а также на деталях, которые указывают на опустошенность и скорый закат богатой, пышной жизни. Здесь выявляется сильная зависимость от прошлого, неспособность активно дей-

1 О. А. Попова, *Родовая память в судьбе дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков*, «Вестник Пермского университета», вып. 2. 2009, с. 112–118.

ствовать и привыкать к новым условиям жизни вне усадьбы. Однако, чтобы правильно охарактеризовать дух повести, стоит подчеркнуть, что в *Суходоле* мы имеем дело с синтезом критического и идеализирующего подходов к описанию дворянских усадеб, то есть с так называемой диалектической концепцией². Несмотря на присутствие в тексте не лишенных критической оценки натуралистических замечаний автора, читатель ощущает некую его тоску по прежнему достоинству, славе, традициям и красоте. Основную структурообразную роль играет здесь мифологема потерянного рая³.

Мотив вымирания вводит уже само название повести, метафорически показывающее конец суходольской жизни. Ведь когда прадед рассказчика, сына Аркадия Хрущева, поселился в Суходоле, «если верить преданиям, [...] в старину везде леса были»⁴. Со временем менялся вид за окном. Уже при дедушке рассказчика:

... картина была иная: полустепной простор, голые косогоры на полях – рожь, овес, греча, на большой дороге – редкие дуплистые ветлы, а по суходольскому верху – только белый голыш. От лесов остался один Трошин лесок. Только сад был, конечно, чудесный: широкая аллея в семьдесят раскидистых берез, вишеники, тонувшие в крапиве, дремучие заросли малины, акации, сирени и чуть не целая роща серебристых тополей на окраинах, сливавшихся с хлебами.

Теперь даже протекающая через Суходол речка Каменка иссякла, осталось лишь ее каменистое ложе.

Слово «сухой» в переносном смысле заменяется такими прилагательными как «сурово-безучастный», «неотзывчивый», «неласковсй», «не настоящий», «не такой, как нужно», «не дающий необходимых результатов», «не привлекательный», и даже «устрашающий». Первая поездка Аркадия Хрущева полностью отвечает представлению о месте назначения, которое дает нам само название топонима. Въезд в Суходол чуть ли не напоминает прибытие в древне-греческий мифологический ад, с той разве что разницей, что не Харон встречает прибывших, а уродливая старуха из русского фольклора:

Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и ослепительно быстрыми, огненными змеями молний, когда мы под вечер подъезжали к Суходолу. Черно-лиловая туча тяжело свалилась к северо-западу, величаво заступила полнеба напротив. Плоско, четко и мертвенно-бледно зеленела равнина хлебов под ее огромным фоном, ярка и необыкновенно свежа была мелкая мокрая трава на большой дороге. Мокрые, точно сразу похудевшие лошади, шлепали, блестя подковками, по синей грязи, тарантас

2 М. А. Кузнецова, *И. А. Бунин – певец русской усадебной жизни*, <https://cyberleninka.ru/article/v/i-a-bunin-pevets-russkoj-usadebnoy-zhizni>, [режим доступа: 12.08.2018].

3 О. Н. Брыгина, *Антиномия «рая» и «ада» в повести-поэме И. А. Бунина «Суходол»*, <http://anthropology.ru/ru/text/brygina/antinomiya-aya-i-ada-v-povesti-poeme-iabunina-suhodol>, [режим доступа: 08.08.2018].

4 И. А. Бунин, *Суходол*, <http://lib.ru/%3E%3C/BUNIN/suhodol.txt>, [режим доступа: 08.08.2018]. Все приводимые ниже фрагменты из повести взяты из этого издания.

влажно шуршал... И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидели мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пегую комолую корову. При нашем приближении хворостина заработала сильнее, и корова неуклюже, крутя хвостом, выбежала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась к тарантасу и, подойдя, потянулась к нам бледным лицом. Со страхом глядя в черные безумные глаза, чувствуя прикосновение острого холодного носа и крепкий запах избы, поцеловались мы с подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга? Но высокий шлык из какой-то грязной тряпки торчал на голове Бабы-Яги, на голое тело ее был надет рваный и по пояс мокрый халат, не закрывавший тощих грудей. И кричала она так, точно мы были глухие, точно с целью затеять яростную брань.

Не случайно первая встреченная обитательница поместья напоминала Бабу-Ягу – злую старуху-колдунью, мифологическим архетипом которой была адская богиня, выполняющая функцию стража иного мира, перехода в царство мертвых⁵. Естественно, все в этом мире уже давно умерли или живут так, как будто их жизнь кончена, как будто она осталась в далеком прошлом.

Мир Суходола является замкнутым пространством, в которое нельзя проникнуть. Если кто-то не родился там, уже не сможет в нем оказаться, уже поздно стать его частью. Суходола и его жителей не понять, у них свои правила поведения и привычки, которые связывают обитателей не только друг с другом, но также с местом проживания. Их быт основан на древних верованиях и традициях, решающую роль играют здесь сны и предчувствия, а не наука. К прогрессу, развитию в Суходоле никто не стремится.

Как и все русские усадьбы, Суходол представляет собой патриархальное натуральное хозяйство. Здесь все свое: и люди, и земля, и окружение. Жизнь вдали от столицы и больших городов, долгие осенние и зимние вечера, бездорожье побуждали жителей поместий самим придумывать развлечения: чтение толстых книг, пение в гостиную по вечерам. За долгие годы существования дворянства на Руси сформировалась уникальная усадебная культура, которую и вспоминает рассказчик.

Приоритетным пространственным образом является глухая Русь и ее влияние на человека. Показанное в повести пространство приобретает власть над душой жильцов, вводит их в сильнейшую зависимость. Как писал акад. Д. С. Лихачев: „Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством”⁶.

Принадлежность к месту многократно подчеркивается в повести также в языковом плане. Важнейшие детали Суходола определяются прилагательным „суходольский”: „суходольский дом”, „суходольская жизнь”, „суходольская смерть”, „суходольская любовь”, „суходольская ненависть”, „суходоль-

5 М. Забылин, *Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва 1990, с. 256.

6 Д. С. Лихачев, *Заметки о русском*, Москва 1987, с. 462.

ский язык”, „суходольские песни”, „суходольское событие”, „суходольцы”, „суходольская кровь”, „суходольская душа” и т.д.

Суходол – это не только место действия, это полноправный, одушевленный герой, олицетворяющий давнюю крепостническую Русь.

В центре повествования находится хроника обедневшего рода Хрущевых и разорение их дворянского гнезда, представленные глазами последнего члена семьи, который пытается выявить и понять причины гибели суходольцев и, в частности, главной героини Натальи, которая всю жизнь посвятила Суходолу и Хрущевым. Детство Наталья провела в идиллической атмосфере, не как простая дворовая, а почти как полноправный член семьи, поэтому ее воспоминания становятся контраст для слов рассказчика, увидевшего лишь следы давнего изобилия. Бездельная жизнь предков Хрущева, которая не предусматривала серьезного и ответственного отношения к хозяйственным делам, а также необузданные страсти суходольцев привели как усадьбу, так и самую семью к нищете, которая ожидает последнего из рода.

Все персонажи очень сильно связаны с Суходолом. Там они рождаются, там испытывают любовные мучения, там умирают. Когда-то знатные дворяне, господствовавшие над деревней, теперь оказываются в периоде упадка. Все герои принадлежат к прошлому, будущее их не интересует: „Легко сказать — начинать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господам, а они и по-старому-то не умели”. Семья Хрущевых, утратившая ценные свойства предшествующих поколений, показана на фоне двора, в которой уже давно течет дворянская кровь.

Много говорится о том, как было раньше: пока французы были, пока бабушка была... Время менялось, но все еще сохранялись славные суходольские будни. А теперь? Теперь не за что цепляться: „[...] теперь уже и совсем пуста суходольская усадьба. Умерли все помянутые в этой летописи, все соседи, все сверстники их. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свете-то они?”.

Бунин точно отмечает начало конца суходольского света и называет причины краха:

Смерть бабушки, ужас и необычность этого события, потом война, комета, наводившая ужас на всю страну, потом пожар, потом слухи о воле — все это быстро изменило лица и души господ, лишило их молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку тяжелую, придирчивость друг к другу. [...] Так просто началась нищета Суходола.

Все идет только к худшему. Время течет медленно, дни однообразны. Необычные события приводят к гибели, а расстроенные герои, одинокие и погруженные в депрессию, не способны спасти обремененное долгами имение. Братья Хрущевы, Петр Петрович и Аркадий Петрович, „один [...] нелепо жаден, строг и подозрителен, другой — нелепо щедр, добр и доверчив”, не обладают деловой смекалкой, а попытка привести в прежнее состояние дом и все имущество терпит крах. Сын Аркадия, в голосе которого не слышно ни

претензий, ни злости, расспрашивает о прежней жизни тех, кто сейчас живет в Суходоле. Все изменилось до той степени, что ему даже сложно представить себе прежнюю красоту поместья. О том, как выглядит теперь суходольская усадьба лучше всего говорят слова рассказчика: „[...] мы застали уже не быт, не жизнь, а лишь воспоминания о них, полудикую простоту существования, тишину и все растущую нищету”.

Те, кто остался в Суходоле, а именно, Наталья, тетья Тоня и барыня Клавдия Марковна, прозябали в нищете, при жизни остались только из-за памяти о прошлом, доживали свой век, поскольку

.... тяжки были дождливые осени, снежные зимы в Суходоле. Холодно, голодно было в пустом разрушающемся доме. Заметали его вьюги, насквозь продувал морозный сарматский ветер. А топить — топили очень редко. По вечерам скудно светила из окон, из горницы старой барыни, — единственной жилой горницы, — жестяная лампочка. Барыня, в очках, в полушубке и валенках, вязала чулок, наклоняясь к ней. Наталья дремала на холодной лежанке. А барышня, похожая на сибирского шамана, сидела в своей избе и курила трубку.

Ни у одной из этих женщин не сложилась личная жизнь. Ни одной Суходол не принес счастья, ни одна по своей воле не решилась покинуть проклятое для нее место.

Вдова покойного Петра Петровича, Клавдия Марковна, „[...] маленькая, крикливая, с черными усиками”, жила одна с момента трагической смерти мужа, который погиб, возвращаясь пьяным от своей любовницы, с которой провел двое суток. При нем, однако, тоже не все было окрашено розовым цветом. Рассказчик дает свидетельство лишь о неуместном поведении барчука накануне смерти; о том, как выглядела брачная жизнь супругов можно только подозревать.

Жизнь не сложилась и у Антонины Петровны, которая сошла с ума от несчастной любви. Влюбленная в товарища Петра Петровича Тоня никогда не вышла замуж. Ее поведение и недоступность привели к тому, что ее возлюбимый, офицер Войткевич, покинул усадьбу, а Тоня „[...] обрекла себя в невесты Иисусу сладчайшему”. Краткое время любовных утех, а именно чтения стихов, игры на фортепиано в четыре руки и цветов, когда „[...] просто стало веселее жить”, ушли в небытие.

Но самая грустная судьба была у Натальи, поэтического символа Суходола, образ которой связывает все десять глав повести. С Натальей читатель знакомится уже в первом предложении:

В Наталье всегда поражала нас ее привязанность к Суходолу. Молочная сестра нашего отца, выросшая с ним в одном доме, целых восемь лет прожила она у нас в Луневе, прожила как родная, а не как бывшая раба, простая дворовая. И целых восемь лет отдыхала, по ее же собственным словам, от Суходола, от того, что заставил он ее выстрадать. Но недаром говорится, что, как волка ни корми, он все в лес смотрит: выходив, вырастив нас, снова воротилась она в Суходол.

Преданная всей семье Хрущевых героиня испытывает постоянные мучения, а ее падение идет параллельно с гибелью Суходола. Чистое чувство Натальи к молодому барину Петру, которое сравнивается в повести с альеньким цветочком, расцветшим в сказочном саду, заканчивается для нее обвинением в краже зеркальца барина и восьмилетней ссылкой, ставшей для Натальи столкновением с действительностью. Иначе и не могло быть, ведь как говорит Герваська: „А дурь из головы пора вон выбить! Он вот-вот женится, ты ему и в любовницы не годишься... Образумься!“

Кража именно зеркальца также является в повести символом. Тверская литературовед Е. К. Созина на этот счет пишет: „Зеркало у Бунина, выступающая в традиционной для него функции некоей переходности, пороговости, может тяготеть по реализуемому смыслу то к полюсу жизни, то к полюсу смерти“⁷. Эпизод с зеркальцем меняет жизнь Натальи, которая подумала в этот момент: „[...] жизнь кончена, преступление и позор слишком велики, чтобы надеяться на возвращение к ней!“ Так Наталья, а вместе с ней весь Суходол, переходят из одного состояния в другое, из сказки в тьму и небытие.

Еще хуже складывается судьба Натальи после долго ожидаемого возвращения в родную усадьбу. Ряд драматических событий отбирает у нее последнюю надежду на нормальную, спокойную жизнь. Она совсем не сопротивляется, добровольно принимает роль великомученицы. Барышня чуть ли не издевается над ней, а юродивый Юшка домогается ее сексуально, вследствие чего Наталья становится беременной, а затем теряет ребенка. Несмотря на все эти злоключения дворовая вспоминает зародившуюся любовь к Петру Петровичу, поскольку это чувство не только ассоциируется у нее с лучшими временами, то есть молодостью в Суходоле, но с самим расцветающим Суходолом.

В восприятии Натальи нет ничего лучшего, чем это место, которое во время ссылки на дальнем хуторе кажется „[...] таким прекрасным, таким желанным“. В Сошках все для нее чужое: и люди, и хата, и обычаи. Героиня иначе, чем другие, воспринимает Суходол, и это несмотря на то, что была здесь простой работой. Ее ощущения при виде родных мест говорят сами за себя:

... как забилось сердце, когда увидела она выгон, ряд изб — и усадьбу: сад, высокую крышу дома, задние стены людских, амбаров, конюшен. Желтое ржаное поле, полное васильков, вплотную подходило к этим стенам, к бурьянам, татаркам; чей-то белый в коричневых пятнах теленок тонул среди овсов, стоял в них, объедая кисти. Все вокруг было мирно, просто, обычно — все необычное, все тревожнее становилось только в ее уме.

Наталья, несмотря на все перенесенные тяжелые испытания, является главным ангелом-хранителем тающей, убывающей и вырождающейся семьи. Она последний свидетель родовой жизни, объединяющий дворню с Хрущевыми. Наталья является символом нераздельности крестьянства и дворянства.

⁷ Е. К. Созина, *Мотив зеркала в прозе И. Бунина*, Тверь 1998, с. 73.

Раздвоенный образ суходольской усадьбы находит отражение в описании впечатлений последнего Хрущева, не связанного с усадьбой воспоминаниями, воспринимающего дом предков как памятник былого: „Только на погостах чувствуешь, что было так; чувствуешь даже жуткую близость к ним. Но и для этого надо сделать усилие”. Как и в случае с Натальей, описания бывшего Суходола рассказчиком носят характер ретроспективной утопии, так как идеальное состояние соотносится исключительно с временами предков. Как это обычно бывает, от той безмятежной поры остаются только хорошие воспоминания, страдания и боль выпадают из памяти.

Несмотря на ложное представление о давней идиллии, в *Суходоле* нет типичного для идеализирующей концепции восхваления предков, воспоминаний о предыдущих поколениях и обо всем, что их касается, они едва мелькают в памяти. Потомки, в том числе рассказчик, не знают даже, где похоронены их близкие:

... могил дедушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаем. Знаем только то, что место их — возле алтаря старенькой церкви в селе Черкизове. Зимой туда не проберешься [...] В летний день проедешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улице, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темно-зеленой стеной стоят, пекутся в зное елки. За откинутой калиткой, за белой церковью с ржавым куполом — целая роща невысоких ветвистых вязов, ясени, лимов, всюду тень и прохлада. Долго бродишь по кустам, буграм и ямам, покрытым тонкой кладбищенской травой, по каменным плитам, почти ушедшим в землю, пористым от дождей, поросшим черным рассыпчатым мохом... Вот два-три железных памятника. Но чьи они? [...] Под какими же буграми кости бабушки, дедушки? А бог ведает! Знаешь только одно: вот где-то здесь, близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себе всеми забытых Хрущевых. И то бесконечно далеким, то таким близким начинает казаться их время.

На вопрос о происхождении рода Хрущевых в повести Бунина не найти точного ответа. Рассказчик, с одной стороны, называет их потомками степных кочевников, которые, казалось бы, должны быть сильными, с другой, задумывается, почему они оказались так слабы, почему за полвека так знатная семья практически исчезла, выродилась, сошла с ума, разъехалась.

На всех героях повести лежит какое-то проклятие. Запустение ощущается не только во всем доме, но также во всей деревне и окрестностях. Пустыми кажутся и души персонажей, лишенные места обитания. Смерть старого Хрущева от рук Герваськи, его внебрачного сына, неестественная смерть Петра Петровича — это только начало несчастий. Внутреннее состояние героев отражается в состоянии усадьбы и покосившихся темных изб. Когда-то богатая, она погружается в туман, а к концу произведения только в одной комнате горит свет. Гаснут и свечи, и суходольцы, что символизирует уход прежней жизни. Заключительная картина кладбища показывает, что ничего уже не вернуть, неизвестно даже, где кто похоронен, память не сохранила ничьих имен.

История семьи Хрущевых вписывается в общую для всей России тенденцию. Тема заката дворянства, а затем уходящей дворянско-крепостнической

России нашла свое отражение в творчестве многих русских писателей. Ее истоки мы находим в произведениях, которые были написаны еще до отмены крепостного права. И. А. Гончаров, например, описывает в *Обломове* (романе 1859 года), как ленивый дворянин постепенно уступает место трудолюбивому Штольцу. Таким как Штольц принадлежит будущее: предприимчивым, интеллигентным и целеустремленным, а не помещикам из поколения в поколение, каких представляют Петр и Аркадий. Картина перехода имущества в руки нового социального слоя отображена в знаменитой пьесе А. И. Чехова *Вишневый сад*. О том, как барство уходит в прошлое, а вместе с ним культура и традиции целого класса, писал Н. А. Некрасов в поэме *Кому на Руси жить хорошо*. О новом поколении и западных идеях, начавших проникать в Россию, рассказывал И. А. Тургенев в *Отцах и детях*. На рубеже веков к этой теме стал обращаться и И. А. Бунин.

Первый российский лауреат Нобелевской премии по литературе имел возможность наблюдать обе эпохи, знал историю своих предков, а также образ жизни помещичьего дворянства, его культуру и быт. Но в той же степени писатель был знаком и с жизнью простого крестьянского люда, с его проблемами, страданием и унижением.

Интересно, что сам Суходол — это Каменка в Орловской губернии, где находилось родовое поместье Буниных. В повести же Каменкой именуется речка, протекающая в поместье. В настоящей Каменке жил отец Бунина, переселившийся к своей сестре после продажи имения в Озерках, когда то пришло в окончательный упадок. Как видим, история рода Буниных, как и семьи Хрущевых связана с утратой продажи родового имения. Вера Муромцева-Бунина в своей книге передает историю сумасшествия деда, что нашло отражение в повести. В образе дочери Петра Кириллыча — Антонины Петровны — воплотились черты дочери деда Бунина. Прототипы сыновей Петра Кириллыча — Аркадия и Петра — это отец Буниных Алексей Николаевич и его умерший брат Николай Николаевич. Подобно братьям Хрущевым, они участвовали в Севастопольской кампании, а затем, вернувшись с войны, стали вести хозяйство. Черты характеров, по словам Муромцевой-Буниной, полностью соответствуют характерам молодых господ Хрущевых в повести.

Бунин понимал, что в России идут те же самые процессы, что обозначились несколько ранее в Западной Европе. Очередные дворянские привилегии, несовместимые с духом времени, отменялись одна за другой, а точнее распространялись на всех граждан. Крестьяне постепенно стали понимать то, что в их теле течет такая же кровь, как и у дворян. Проведенные реформы — напр., отмена телесных наказаний в 1863 году — только повысили самооценку крестьян и вернули им некое достоинство. Тем не менее дворянство все еще оставалось в России привилегированным сословием, но изменений никто уже не мог остановить. Попытка Александра II противостоять революции не была в состоянии задержать перемен. Волна крестьянских бунтов в Крымскую войну (в которой, кстати, участие принимал Петр Петрович)

приводит к крестьянской реформе. Царь утверждал, что „лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу”⁸.

В контексте всего сказанного убийство дедушки Петра Кирилловича от рук крепостного имеет символический характер. Не случайно перечисление несчастий, которые пали на Суходол начинается именно с гибели деда, отмеченной в повести как необычное событие. Если бы Герваська жил на полвека раньше, не вел бы себя так дерзко, как Герваська, почерстевший в воздухе новые времена.

Герои повести по-разному относятся к слухам о возможной воле: „Бунинично стало в Суходоле. Пришли определенные слухи о воле – и вызвали даже тревогу и на дворе и в деревне: что-то будет впереди, не хуже ли?”. Для некоторых, в том числе для Натальи, которая не представляет, как жить по-другому, отмена крепостного права была концом ее мира, для других, например, для Герваськи, который понимал несправедливость своего положения, шансом на месть и новый старт.

В Суходоле наблюдаются и другие признаки процесса дворянского оскудения. В условиях пореформенной действительности дворянство проявило растущий интерес к получению новых источников дохода. Некоторые пытались организовать свой бизнес, иные решались на гражданскую или военную службу. И у братьев Хрущевых были свои планы на восстановление имущества:

... решились они на предприятие, долженствовавшее принести большой доход: заложили имение и скупили около трехсот захудавших лошадей, – собрали их чуть не со всего уезда при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотели выправить за зиму и с барышом распродать весной. Но, истребив огромное количество муки и соломы, лошади почти все, одна за другою, к весне почему-то поколели...

В 1911 году Бунин предвидел, что реформа не остановит волнений крестьян, накопленного веками недовольства. Они не были уже так беззащитны и слабы, как раньше, да и дворянство не довлекло над ними, поскольку само разделяло крестьянский быт.

Повесть Бунина, в которой звучит эхо истории, переполнена знаками и символами. Проза писателя – это не только безличное представление деревни и усадьбы. Показанный быт – это лишь фон, главное же в произведении – это взятая в трагическом разрезе человеческая душа. Рассказывая о отдельных судьбах, Бунин выявляет причины общей несчастной доли. Патриархальный уклад, который объединял, сливал в единое целое мужика и барина, привел их к гибели, поскольку последствием разорвания соединяющей их цепи являлся долгий и необратимый процесс совместной агонии.

8 *Российское дворянство*, [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Российское_дворянство#Закат_дворянства](https://ru.wikipedia.org/wiki/Российское_дворянство#Закат_дворянства), [режим доступа: 14.08.2018].

Пока властные и жестокие были оппозицией для смиренных и покорных, мир еще вертелся. Когда эти полярности вместе с кровью перемешались, давний мир резко поменял ориентиры и все вывернулось наизнанку.

Список использованной литературы:

Брыгина О. Н., *Антиномия «рая» и «ада» в повести-поэме И. А. Бунина «Суходол»*, <http://anthropology.ru/ru/text/brygina/antinomiya-рая-i-ada-v-povesti-poeme-iabunina-suhodol>, [режим доступа: 08.08.2018].

Забылин М., *Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва 1990.

Кузнецова М.А., *И. А. Бунин – певец русской усадебной жизни*, <https://cyberleninka.ru/article/v/i-a-bunin-pevets-russkoj-usadebnoj-zhizni>, [режим доступа: 12.08.2018].

Лихачев Д.С., *Заметки о русском*, Москва 1987.

Попова О.А., *Родовая память в судьбе дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков*, «Вестник Пермского университета», вып. 2, 2009, с. 112–118.

Созина Е.К., *Мотив зеркала в прозе И. Бунина*, Тверь 1998.

Natalia Mojsilović

studentka II roku KRiNS UJ

MIŁOŚĆ W ŚWIETLE FILOZOFII CHRZEŚCIJAŃSKIEJ: DUCHOWA PRZEMIANA ALEKSIEJA KARENINA W KONTEKŚCIE BIBLIJNYM I TOŁSTOIZMU

Miłość nigdy nie ustaje;
bo jeśli są prorocтва, przeminą;
jeśli języki, ustaną;
jeśli wiedza, wniwecz się obróci

Rzym. 12, 19¹

Miłość małżeńska to najsilniejsza więź między kobietą a mężczyzną. Nic nie potrafi tak zjednoczyć dwojga ludzi, jak uczucie pełnego zaufania, oddania i wierności. Już od początku istnienia pierwszego człowieka świat ludzki został obdarzony miłością od Boga, a idea jedności pierwszych ludzi stworzyła pojęcie małżeństwa. Człowiek powstał z miłości Bożej i otrzymał ją, tak samo jak i zdolność kochania drugiej osoby, dlatego istota ludzka poznała pragnienie kochania oraz bycia kochanym. Stało się to celem, dążeniem każdego człowieka, aby pojąć sens istnienia, egzystowania: „A myśmy poznali i uwierzyli w miłość, którą Bóg ma do nas. Bóg jest miłością, a kto mieszka w miłości, mieszka w Bogu, a Bóg w nim” (Jk. 1, 4, 16). Pismo Święte przekazuje nam informacje o powstaniu Ewy, jakoby ona miała powstać z Adama. Są jednością, ponieważ Bóg stworzył Ewę z miłości do człowieka. Jest ona boskim darem. W przekazie Adam przyjmuje Ewę ze swojego ciała i duszy, ona staje się częścią jego życia, a więc tworzą jedność, której nic nie jest w stanie rozerwać:

Wtedy rzekł człowiek: ta dopiero jest kością z kości moich i ciałem z ciała mego. Będzie się nazywała mężatką, gdyż z męża została wzięta. Dlatego opuści mąż ojca i matkę swoją i złączy się z żoną swoją, i staną się jednym ciałem (Moj. 1, 2, 23–24).

1 *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*, wyd. Towarzystwo Biblijne w Polsce, Warszawa 2004.

Kobiecość może stawać się dzięki męskości, ale męskość musi być stale w relacji do kobiecości, jest to praca obopólna. Przed Bogiem mężczyzna i kobieta są równi. Razem tworzą filiację, która jest tworem od Niego pochodzącym, dlatego nie ma w niej podziału na gorszą lub lepszą płęć, są jedynie własnym uzupełnieniem: „Zresztą, w Panu kobieta jest równie ważna dla mężczyzny, jak i mężczyzna dla kobiety. Albowiem jak kobieta jest z mężczyzny, tak też mężczyzna jest przez kobietę, a wszystko jest z Boga” (Kor. 1, 11, 11–12).

Pojęcie miłości w świetle chrześcijańskiego ducha jest wyrażone w Pierwszym Liście św. Pawła do Koryntian w rozdziale trzynastym. Chrześcijanie wierzą, że sakrament małżeństwa to akt połączenia się kobiety i mężczyzny przed Bogiem. Ludzie są zobowiązani do zachowania przyrzeczeń i nie mogą zrezygnować ze wspólnego życia wedle własnego upodobania. Ten kolejny etap w życiu człowieka, kiedy staje się on dojrzałym współtowarzyszem życia ukochanej osoby, jest czymś w rodzaju umowy między nimi: „[...] Dlatego opuści człowiek ojca i matkę i połączy się z żoną swoją, i będą ci dwoje jednym ciałem” (Mt. 19,5).

Życie małżeńskie buduje się na wspólnym fundamencie, czyli miłości. To ona zawsze przypomina człowiekowi o tym, że każdy zły występki, cudzołóstwo czy inne zboczenie z prawej drogi, można pokonać, jeśli dwojga ludzi łączy nie tyle zakochanie, co właśnie miłość. Każda próba wymuszenia sakramentu na ludziach prędzej czy później okazuje się katastrofą, ponieważ tylko wolna wola i pełna świadomość swojej decyzji pozwala na stworzenie relacji małżeńskiej, opartej na prawdziwym i szczerym uczuciu.

Nadzwyczaj interesująca wydaje się być ta kwestia w kontekście utworu Lwa Tołstoja pt. *Anna Karenina*. W książce bohaterowie trzech rodzin zmagają się ze swoimi problemami, codziennością, ale przede wszystkim miłością, którą każdy rozumie na swój sposób. Akcja powieści toczy się w Rosji w latach 60. XIX wieku i życie bohaterów uwarunkowane jest realiami ówczesnej epoki. Każdy z nich reprezentuje swoje wartości, którymi kieruje się podczas podejmowania życiowych decyzji, dlatego dzieło to jest bogate w odmienne pojmowanie uczucia miłości. Spośród wszystkich bohaterów utworu na szczególną uwagę zasługuje Aleksiej Aleksandrowicz Karenin. Niniejsza praca jest poświęcona studium jego zachowania w kontekście zasad współżycia społecznego i relacji małżeńskich, jakie nakłada na ludzi chrześcijaństwo.

Karenin, zajmujący posadę na stanowisku państwowym ministra, starszy o dwadzieścia lat od swojej żony, cieszy się wielkim uznaniem w kręgu wysoko postawionej arystokracji rosyjskiej. Od początku pojawienia się tej postaci w utworze, czytelnik widzi w nim chłodnego mężczyznę niezdolnego do okazania ciepłych uczuć. W jego sposobie zwracania się do żony wyczuwa się duży dystans, a ton głosu sprawia wrażenie, jakby ciągle ją przedrzeźniał. Niemniej jednak, jest to człowiek błyskotliwy, poważny, o dobrym sercu, a przede wszystkim trzymający się zasad chrześcijańskich i świeckiej przyzwoitości. Nie potrafi unaocznic emocji, ale wydaje się, że w głębi duszy kocha żonę. Można by domniemać, że za tą maską ukryta jest również wrażliwość na ludzkie uczucia: „[...] miał pewną słabość, zupełnie sprzeczną z ogólnym

układem jego charakteru. Aleksy Aleksandrowicz nie mógł patrzeć na łzy dziecka lub kobiety². Ponadto, nie dopuszcza myśli, żeby Anna mogła go kiedykolwiek zdradzić. Jest święcie przekonany o stałości jej uczuć, o dotrzymaniu ślubów:

Zazdrość, zdaniem jego, ubliżała żonie: do żony należy mieć zaufanie. Czemu należy mieć zaufanie, czyli zupełną pewność, że jego młoda żona zawsze będzie go kochała – tego pytania nigdy sobie nie zadawał. Ponieważ nie odczuwał nieufności, miał zaufanie i mówił sobie, że mieć je należy³.

Karenin bezgranicznie ufa żonie, nawet kiedy otoczenie zwraca mu uwagę na jej niestosowne zachowanie. Żyje zgodnie z patriarchalnym porządkiem życia. Wydawałoby się, że zdradę żony przyjmuje z początku z pełnym opanowaniem i spokojem, który paraliżuje Annę, jednak przedstawiony na kartach powieści opis sytuacji wskazuje na to, że w jego wnętrzu wyzwała się eksplozja uczuć:

[...] mimo gniewu, jaki w nim wzbudziła żona, jednocześnie poczuł, że wzbiera w nim ów zamęt wewnętrzny, który łączy w nim zawsze wywoływały. Zdając sobie z tego sprawę i wiedząc, że byłoby niewskazane w takiej chwili wypowiadać swoje uczucie, starał się powstrzymać od jakichkolwiek w ogóle oznak życia i dlatego nie poruszał się i nie patrzył na żonę. Stąd pochodził ten dziwny, trupi wyraz twarzy, który tak uderzył Annę⁴.

Jest zdystansowany i zanim podejmie kolejne kroki, musi wszystko przemyśleć, nie chce zbyt szybko reagować. Z całą pewnością zdrada musiała go zaboląć, ponieważ kłóciło się to z jego wartościami, które pielęgnuje i stara się utrzymać w rodzinie, w zgodzie z narzucanymi przez chrześcijaństwo normami i z zasadami świeckiej moralności. Karenin decyduje się na rozmowę z żoną, dopiero wtedy, gdy inni wytykają jej niewierność. Honor i poważanie w środowisku elity są dla niego bardzo ważne, dlatego nie może pozwolić sobie na niestosowny rozgłos. Ponadto pełni funkcję wysokiej rangi carskiego urzędnika i ma to stale na uwadze. Przede wszystkim kieruje się rozsądkiem i nie zapomina o zasadach przyzwoitości, które zdawać by się mogło bardziej go przejmują niż sam występki żony:

Winienem powiedzieć jej i wyluszczyć, co następuje; po pierwsze objaśnić, jakie jest znaczenie opinii publicznej i względów przyzwoitości; po drugie wytłumaczyć znaczenie, jakie małżeństwu przypisuje religia; po trzecie, w razie potrzeby wskazać, że syna może dotknąć nieszczęście; po czwarte, przestrzec jakie nieszczęście jej samej zagraża⁵.

Tak jak wspomniał sam, jest też przejęty ich dzieckiem, które w niczym nie zawiniło w tej sytuacji, a jest ofiarą rozpadu rodziny. Bierze pod uwagę również religię, na którą często się powołuje. Zastanawia jednak to, czy jego zachowanie wynika z kierowania się w życiu duchowością chrześcijańską czy raczej normami

2 L. Tołstoj. *Anna Karenina*, t. I, Warszawa, s. 286.

3 Tamże, s. 148.

4 Tamże, s. 287.

5 Tamże, s. 150.

religijnymi gwarantującymi poczucie spełnienia obowiązku. Wydaje się, że jego postępowanie i myśli sugerują zgodność z filozofią chrześcijańską, a jednak na pierwszym miejscu zdaje się być dbałość o utrzymanie nieskazitelnej opinii w środowisku i chęć życia w nienaruszonym spokoju.

Według Biblii, każdy kto nawróci grzesznika, pomaga mu w odkupieniu win, nawet tych najcięższych grzechów: „Bracia moi, jeśli ktoś spośród was zboczy od prawdy, a ktoś go nawróci, Niech wie, że ten, kto nawróci grzesznika z błędnej drogi jego, wybawi duszę jego od śmierci i zakryje mnóstwo grzechów” (J. 5,20). Aleksy, analizując winę Anny, myśli o niej i chce ją ostrzec. Nie ma jednoznacznej odpowiedzi na to czy boi się jej zguby tylko w ziemskim znaczeniu, czy również w duchowym, chociaż jest moment w którym odgradza się od odpowiedzialności w sferze duchowej: „Kwestia jej uczuć, to, co się działo i co się dzieć może w jej duszy, nie należy do mnie, to rzecz jej sumienia i rzecz religii”⁶. Mimo to, że często powołuje się na religię, to sam do końca jeszcze nie widzi, że wykorzystuje ją do uratowania swojej sytuacji. Czyta teksty teologiczne, szukając w nich odpowiedzi na wiele pytań związanych z wiarą i niewątpliwie chrześcijaństwo, pod którym się podpisuje, ma na niego wielki wpływ. Interesuje go religia: „W kwestiach polityki, filozofii, teologii Aleksy Aleksandrowicz miewał wątpliwości i starał się je rozstrzygnąć”⁷. Karenin podąża za tym, aby zrozumieć wiarę. Jednocześnie jest świadom, że Anna nie dojrzała do tego, aby rozmawiać w kontekście duchowego rozwoju, co potwierdzają jego słowa: „Bez czci, bez serca, bez religii, zepsuta kobieta! Zawszem to wiedział i widział, chociaż przez litość dla niej starałem się oszukiwać sam siebie”⁸.

Aleksiej Karenin nie myśli od razu o rozstaniu, w zasadzie jest przeciwny temu od samego początku. Ostrzegając żonę, liczy, że opamięta się, przy czym wciąż ma nadzieję, że mimo swojego występku, Anna czuje małżeńską więź. Powołuje się na religię, na relację zawartą przed Bogiem. Z tego powodu, nie zastanawia się nad tym, czy aby ona nie odmówi mu, pragnie aby stanęła na wysokości zadania. Kocha żonę, są wciąż małżeństwem i chce uratować rodzinę. Anna jest mu bliska, dlatego poczuwa się do obowiązku jako głowa rodziny, aby zwrócić jej uwagę i ostrzec ją:

Moja powinność określona jest wyraźnie: jako głowa rodziny, obowiązany jestem nią kierować, na mnie tedy częściowo spada odpowiedzialność. Powiniennem wskazać żonie niebezpieczeństwo, które dostrzegam, ostrzec ją, a nawet użyć mego autorytetu. Muszę jej to powiedzieć⁹.

Daje jej szansę, chce z nią porozmawiać, a więc nie odrzuca jej, tylko próbuje wyjść z tej sytuacji odpowiedzialnie. Zrobi wszystko, żeby być pewnym, że spróbował każdego sposobu, aby nie mieć wyrzutów sumienia: „Lecz jeżeli ty ostrzeżesz

6 Tamże, s. 150.

7 Tamże, s. 117.

8 Tamże, s. 287.

9 Tamże, s. 150.

bezbożnego, a on nie odwróci się od swojej bezbożności i od swojej bezbożnej drogi, wtedy on umrze z powodu swojej winy, a ty uratujesz swoją duszę” (Ez. 3, 19).

Wyznanie Anny o jej miłości do Wrońskiego, jest dla niego emocjonalnym ciosem. Mimo wszystko, Aleksiej Karenin prosi ją w liście, aby ich życie toczyło się tak jak dotychczas i nie zmieniało się. Decyduje się na to, ponieważ wierzy, że żona tylko błądzi i rozsądek przewycięży chwilowy kryzys małżeński. Przy Aleksieju Kareninie jest osoba, która rozumie go i stara się mu pomóc. To Dolly Obłońska, która zwraca uwagę Aleksemu: „Ale poczekaj! Przecież jesteś chrześcijaninem. Pomyśl o niej!¹⁰”. Karenin nie zaprzecza słowom Dolly, co pokazuje, że czuje się chrześcijaninem i daje temu niejednokrotnie wyraz. Biblia jasno opisuje czym się chrześcijanin powinien kierować: „Nade wszystko miejcie gorliwą miłość jedni ku drugim, gdyż miłość zakrywa mnóstwo grzechów” (Pio. 1, 4,8). Lew Tołstoj opisał Karenina jako dojrzałego mężczyznę, świadomego wartości chrześcijańskich i etyki moralnej. Myśli Aleksieja kłębią się, możliwe, że jeszcze nie jest gotowy aby zrozumieć i podążać za słowami św. Pawła: „[...] miłość [...]. Nie postępuje nieprzyjawnie, nie szuka swego, nie unosi się, nie myśli nic złego [...]. Wszystko zakrywa, wszystkiemu wierzy, wszystkiego się spodziewa, wszystko znosi” (Kor. 1, 13, 5,7).

Wszystko wskazuje na to, że Anna Karenina nie pragnie naprawy małżeństwa. Po odczytaniu listu od męża jednoznacznie potwierdza swoją decyzję co do uczuć wobec niego. Anna widzi fałsz w jego zachowaniu, dlatego nie walczy o przetrwanie ich małżeństwa:

Wie, że nie mogę odczuwać skruchy za to, że wreszcie oddycham, że kocham, wie, że oprócz kłamstwa i oszukaństwa nic z tego nie wyniknie, ale chce mnie w dalszym ciągu dręczyć. Znam go i wiem, że jak ryba w wodzie, tak on pływa w kłamstwie i rozkoszuje się nim. Ale nie! Nie zrobię mu tej przyjemności, rozerwę pajęczynę fałszu, którą chce mnie omotać. Niech się dzieje, co chce... Wszystko jest lepsze od kłamstwa i oszustwa¹¹.

Karenin nie poddaje się. Wbrew zasadom chrześcijańskim proponuje Annie pozorne małżeństwo, które będzie ich chronić przed złą reputacją i zgubą. Warunek jaki stawia, to zerwanie wszelkich kontaktów z Wrońskim: „Chcę, aby Pani go nie widywała. Zdaje się, że to niewiele. I za to będzie Pani miała prawa uczciwej żony nie spełniając jej obowiązków”¹².

Chrześcijaństwo nie dopuszcza zdrady, ale tłumaczy, że zawsze trzeba dać człowiekowi drugą szansę jeśli on tylko poczuje swoją winę i pokaja się. Niestety Anna nie wybrała drogi „słusznego powrotu”, wolała podążać swoją ścieżką, w której widziała szczęście i miłość, czego świadectwem są słowa Karenina:

Dałem jej możliwość poprawy, starałem się ją ratować. I cóż?! Nie spełniła mego- tak łatwego przecie do spełnienia – żądania, by zachować pozory przyzwoitości – mówił wzburzony. –

10 Tamże, s. 404.

11 Tamże, s. 301.

12 Tamże, s. 329.

Ratować można człowieka, który nie chce ginąć; lecz jeśli ktoś z natury jest tak zepsuty, tak rozpustny, że własna zguba zdaje mu się zbawieniem to co począć?¹³

Aleksiej jednak nie do końca rozumie sens słów św. Pawła o miłości. Próbuje uratować więź wszelkimi sposobami, nawet kłamstwem aby utrzymać pozorne małżeństwo. Nie akceptuje tego, że Anna ratować już niczego nie chce i zdecydowanie daje mu do zrozumienia, że miłości między nimi już nie ma. Można oceniać jej postępowanie, ale osądzanie Anny jest niepotrzebne, a nawet byłoby niesprawiedliwe. Biblia mówi na ten temat: „Kimże ty jesteś, że osądzasz cudzego sługę? Czy stoi, czy pada, do Pana swego należy; ostoi się jednak, bo Pan ma moc podtrzymać go” (Rz. 14, 4).

Karenin, mimo usilnych próśb żony, nie chce złamać przysięgi złożonej w cerkwi i odmawia rozwodu Annie. Kłóci się to z jego przekonaniem, wie także, że rozwód w ówczesnych czasach zhańbiłby ją i zniszczyłby ich reputację. Jest chwilami mocno poirytowany i rozgniewany. W myślach ostro osądza Annę i pragnie, żeby to ona cierpiała, a nie on. Chce jej bólu, cierpienia i upadku: „Ale zazdrość ustąpiła innemu uczuciu- pragnieniu, by żona jego nie tylko nie triumfowała nad nim, lecz by spotkała ją kara za zbrodnię”¹⁴. Nie jest to zgodne z etyką chrześcijańską i takie myślenie tylko napędza jego niepokój: „Kto zaś nienawidzi brata swego, jest w ciemności w ciemności chodzi i nie wie, dokąd idzie, gdyż ciemność zaślepiła jego oczy” (Jn. 1, 2, 11).

Aleksiej zwykle rozsądnie analizuje kwestie problematyczne, z którymi się zmagają, ale teraz, gdy jego przeciwnikiem jest własna żona, jego słabości wychodzą na jaw. Nie oznacza to jednak, że nie podąża za wiarą. Walczy ze złymi myślami, ale jest świadom, że to nie jest dobre: „Karenin nie chciał się przyznać do tego uczucia, lecz w głębi serca miał ochotę, by Anna odpokutowała za ujmę przyczynioną jego czci i spokojowi”¹⁵. Gdyby kierował się dojrzałą, chrześcijańską duchowością, zapewne w takiej sytuacji zastanowiłby się nad kwestią swojego udziału w rozpadzie małżeństwa. Anna być może mu w tym nie pomaga, ponieważ nie chce już ratować więzi, daje do zrozumienia, że go już nie kocha: „Kocham go i jestem jego kochanką. Nie znoszę pana, boję się, nienawidzę...”¹⁶.

Aleksiej nie zastanawia się w ogóle nad tym, czy spełnia obowiązki kochającego męża w ich relacji. Pozbawiony refleksji, jest przekonany, że wina leży po stronie żony i tylko ją obwinia. Nie pyta Anny o to czy miała jakieś podstawy, aby wejść w romans z innym mężczyzną. Jej uczucia schodzą na drugi plan. Oprócz nakłonięcia jej, aby wróciła do tego stanu, który był dotychczas, sam nie proponuje żadnej zmiany ze swojej strony. W Biblii są wskazówki dotyczące refleksji nad samym sobą i mądrości wynikającej z pokory, a więc:

13 Tamże, s. 404.

14 Tamże, s. 290–291.

15 Tamże, s. 291.

16 Tamże, s. 220.

Faryzeusz stanął i tak się w duchu modlił: Boże, dziękuję Ci, że nie jestem jak inni ludzie, rabusie, oszuści, cudzołóżnicy albo też jak ten oto celnik. [...] A celnik stanął z daleka i nie śmiał nawet oczu podnieść ku niebu, lecz bił się w pierś swoją, mówiąc: Boże, bądź w miłości mnie grzesznemu. [...] bo każdy, kto siebie wywyższa, będzie poniżony, a kto się poniża, będzie wywyższony (Łk. 18, 11, 13, 14).

Dolly Obłońska rozmawia z nim i powołując się na swoje doświadczenia z mężem wspomina o przebaczeniu, które potrafi oczyścić człowieka ze wszystkich gniewów: „Kochajcie tych, którzy was nienawidzą...”¹⁷. Mimo wszystko Karenin nie widzi takiej możliwości, aby przebaczyć żonie. Nie uważa tego za słuszne. Brak skruchy oraz obojętność wobec niego sprawia, że nie czuje się w obowiązku przebaczyć Annie. Nagromadzenie złych emocji oraz wściekłość przysłaniają chrześcijańskie postępowanie:

Nie mogę i nie chcę przebaczyć. Uważałbym to za niesłuszne. Uczyniłem dla tej kobiety wszystko, a ona wdeptała to wszystko w błoto, które jest jej żywiołem. Nie jestem człowiekiem złym i nikogo nigdy nie nienawidziłem, lecz jej nienawidzę z całej duszy i nie mogę jej przebaczyć, gdyż jest mi zbyt nienawistna za to całe zło, jakie mi wyrządziła! – w głosie jego były lzy wściekłości¹⁸.

Przejął nad nim kontrolę gniew, który nie pozwala mu dotrzeć do istoty przebaczenia. Dolly chciałaby mu pomóc, ale dopóki on sam nie poczuje sensu jej słów i nie uwierzy, że da mu to szansę na bycie szczęśliwym, nie dozna tego stanu duchowego spokoju. Nie jest jeszcze gotowy, aby zrozumieć ten rodzaj duchowości. Nie potrafi się wznieść na ten poziom. Nawet jeśli Karenin błądzi w swoich emocjach, to jest tylko człowiekiem i ma prawo do swoich przemyśleń. Prawdziwe rozumienie wiary przychodzi z czasem, a nawet jeśli człowiekowi się wydaje, że działa zgodnie z Biblią, to może być wystawiany na próbę, podobnie jak Hiob, który nie odnajdował swojego grzechu we własnych czynach. Wnioskuje, że na tym etapie Aleksiej Karenin jest sprawdzany. Miotają nim brutalne siły, które sam tak nazywa. W końcu wybacza Annie, jednak należy podkreślić, że dzieje się to niejako nagle, bohater nie zastanawia się nad tym, a przebaczenie przynosi mu wielką ulgę.

Podczas połogu żony i w obliczu jej rzekomo nadchodzącej śmierci Karenin dostrzega w niej prawdziwe poczucie skruchy i potrzebę przebaczenia. Widzi, że ma to dla Anny ogromne znaczenie i potrzebuje jego zrozumienia zanim odejdzie. W Aleksieju rodzi się nowe spostrzeżenie wywołane stanem Anny i wreszcie zauważa, że odkrył w sobie coś, co wcześniej przeszkadzało w uwolnieniu się od złych myśli:

Rozprężenie wewnętrzne Karenina rosło z każdą chwilą i doszło do takiego stopnia, że już zaprzestał z nim walczyć. Poczuł nagle, że to, co uważał za wewnętrzny zamęt, było przeciwnie, błogim stanem duszy dającym mu niespodzianie nigdy dotąd przezeń nie doznawane szczęście. Nie myślał o tym, że zasada chrześcijańska, którą przez całe życie pragnął stosować,

17 Tamże, s. 405.

18 Tamże, s. 404, 405.

nakazywała mu przebaczyć nieprzyjaciołom i kochać ich, a mimo to radosne uczucie miłości i przebaczenia wrogom napelniało mu duszę. [...] szlochał jak dziecko¹⁹.

Ta chwila pozwala Kareninowi zrozumieć najważniejszą wartość chrześcijańską, wynikającą z miłości – miłosierdzie. Wreszcie dojrzeva do tego duchowego poziomu, którego wcześniej nie rozumiał. Teraz jest pewien swojego szczęścia, ponieważ czuje to całym sobą i otworzył sobie drzwi do prawdziwego duchowego rozwoju. Nie żywi już złości do żony, czuje, że jest jej potrzebny i po chrześcijańsku daje jej kolejną szansę, nie odrzuca jej. Jest szczęśliwy z podjętej decyzji, szczerze wierzy i prosi Boga, aby nie pozbawił go tej pewności. Postanawia zaopiekować się żoną i nie zważając na wszystkie rany wyrządzone przez dwoje kochanków otwiera się przed Wrońskim i przyznaje się do swoich uczuć:

Ale ujrzałem i przebaczyłem całkowicie. Chcę nadstawić drugi policzek, oddać koszulę, gdy mi zabierają kaftan, i tylko błagam Boga, by nie odjął mi szczęścia, które wypływa z przebaczenia. – Miał łyzy w oczach i jego jasne, spokojne wejrzenie wstrząsnęło Wrońskim. – Oto jak rzeczy stoją. Może mnie pan wdeptać w błoto, zrobić ze mnie pośmiewisko ludzkie, lecz ja jej nie opuszczę i nigdy nie powiem panu ani słowa wyrzutu – ciągnął dalej – Mój obowiązek rysuje się przede mną wyraźnie: winienem stać przy niej i uczynię to. [...] łkanie mu przerwało rozmowę²⁰.

Ponadto Karenin przywiązuje się do nowonarodzonej córeczki Anny. Często przychodzi do jej pokoju, odwiedza ją, zajmuje się nią i tak naprawdę jako jedyny troszczy się o jej zdrowie w tym tak trudnym dla Anny czasie. Z początku robi to, ponieważ czuje współczucie. Z czasem emocje biorą górę, zmienia nastawienie i zaczyna odczuwać jakąś więź do cudzego dziecka:

Zrazu jedynie ze współczucia zajął się słabiutkim niemowlęciem, które nie było jego dzieckiem i które tak zaniedbano w czasie choroby matki, że gdyby on się o nią nie był zatroszczył, byłoby umarło. Sam się nie spostrzegł, jak ją pokochał. Po kilka razy na dzień chodził do pokoju dziecinnego i długo tam przesiadywał [...]. Czasami potrafił pół godziny wpatrywać się milcząc w śpiącą szafranowo-czerwoną, puszystą, całą w bruzdach twarzączkę dziecka i obserwować ruchy marszczącego się czółka i pulchnych rączyn z podwinętymi palcami, które pocierały oczęta i grzbiet nosa odwróconą stroną dłoni. W takich chwilach Karenin czuł się szczególnie spokojny, w zgodzie ze sobą samym i nie widział w swym położeniu nic nadzwyczajnego, nic takiego, co by należało zmienić²¹.

Dla Karenina córeczka Anny jest nadzieją na rozbudzenie w nim uczuć, które dotychczas w sobie tłumził. Dziecko zajmuje jego szczególną uwagę, jest spokojny i dobrze się z tym czuje. Można zauważyć, że odkąd przebaczył, zaczyna przełamywać kolejne bariery. Wreszcie dostrzega tę zmianę w sobie i zauważa, że za mało poświęcał czasu swojemu synkowi: „Żał mu było także o wiele bardziej niż przedtem synka i wyrzucał sobie teraz, że zbyt się mało dawniej nim zajmował”²².

19 Tamże, s. 423.

20 Tamże, s. 424.

21 Tamże, s. 429.

22 Tamże, s. 428.

Tołstoizm a duchowość

Lew Tołstoj posługując się powieścią psychologiczną, przedstawia szereg przeżyć wewnętrznych bohatera, a dokładniej jego walkę z różnymi poglądami i emocjami. Między innymi na przykładzie Aleksieja Karenina, zrelacjonował życie wewnętrzne bohatera i sposób odbierania świata. Można zatem zbadać stan emocjonalny Karenina i spojrzeć na niego z perspektywy lekarza, wystawiając mu na koniec diagnozę. Ta „diagnoza” powstałaby na podstawie szczegółowych obserwacji życia i rozwoju bohatera, które ulegają różnym procesom, spowodowanym kolejno nadchodzącymi wydarzeniami, przeżyciami i rozterkami, rozczarowaniami.

Tołstoj w swoich przekonaniach, kierował się moralnością europejskiego oświecenia, jednocześnie dołączając do tego etykę nauk Chrystusowych. Dla niego ważne było zrozumienie etyki w kontekście Ewangelii. Wierzył raczej w religię niż w samo osiągnięcie duchowego stanu zgodnego z wiarą chrześcijańską. Całe życie szedł drogą etyki moralnej w świetle filozofii chrześcijańskiej, dlatego w powieści *Anna Karenina* widać do niej odwołania. Po kryzysie duchowym poświęcił się działalności religijnej, a nawet wytworzył własny system wartości, na którym mocno opierała się jego własna doktryna tołstoizmu²³. Do roku 1880 w jej duchu napisał szereg pozycji, które tak samo jak i myśl Tołstoja, zyskały dużą popularność w latach osiemdziesiątych XIX wieku. Antoni Semczuk opisuje jego ideę jako „objawienie, jako nowe słowo myśli etycznej²⁴” i zauważa, że „ogłoszenie doktryny można traktować jako przejaw swoistej strategii pisarza wobec swojej epoki, jako chęć oddziaływania duchowego na nowe pokolenie²⁵”. To, na co szczególnie chciał zwrócić uwagę w kontekście Karenina, ale też innych bohaterów, a było w zgodzie z chrześcijańskimi wartościami, to właśnie niesprzeciwianie się złu siłą, przebaczenie win oraz miłość. Należy zauważyć też motto powieści, które nosi główny sens opisanych wyżej wartości, zgodnych z doktryną tołstoizmu: „Mnie pomsta, ja oddam – mówi Pan²⁶”.

23 Według Antoniego Semczuka, tołstoizm „posiada charakter doktryny, której wszystkie tezy rozpoczynają się od przeczenia. A więc człowiek nie powinien sądzić drugiego [...], żyć jakichś szczególnych aspiracji życiowych, pragnąć za wiele i – to najważniejsze – uczestniczyć w «złemu». [...] Natomiast w życiu osobistym doktryna pisarza z Jasnej Polany zalecała postawę kontemplacyjną i zadowolenie z każdej sytuacji życiowej. [...] Idea niesprzeciwiania się złu siłą nie prowadziła wcale do zobojętnienia na przejawy życia społecznego. Wprost przeciwnie. Tołstoizm był doktryną, która zalecała czynne sprzeciwianie się złu, ale z walki ze złem – w myśl zasady: cel nie uświęca środków – wyłączała siłę i przemoc. Trzeba więc mówić nie: «idea niesprzeciwiania się złu», lecz: «idea niesprzeciwiania się złu siłą», tak jak to formułował sam pisarz. Tołstojowiec nie przechodzi obojętnie wobec świata i jego spraw; to człowiek uczulony na ludzką krzywdę i cierpienia, wrażliwy, o wyostrozonym spojrzeniu. [...] Tołstoizm to idea aktywnej miłości, aktywnej dobroci, to idea czynnego miłosierdzia. Jego dewizą było: sprzeciwiaj się złu dobrocią, miłością, poświęceniem” (A. Semczuk, *Lew Tołstoj*, Warszawa 1987, s. 260–261).

24 A. Semczuk, *Lew Tołstoj*, Warszawa 1987, s. 260

25 Tamże, s. 244.

26 L. Tołstoj. *Anna Karenina*, t. I, s. 5.

Motto niejednokrotnie odnajduje swoje przesłanie w chwilach, kiedy bohaterowie próbują odnaleźć ratunek samodzielnie wymierzając sprawiedliwość. Wiadać to chociażby na przykładzie Karenina, który nie potrafi przewyciężyć bólu z powodu zdrady i zachowania Anny, dlatego ciężko jest mu wybaczyć i życzy jej nawet śmierci. Jednak przestrzegając zasad wiary chrześcijańskiej, o czym też mówi motto, pomsta należy do działań Boskich, a nie ziemskich. Aleksiej z czasem rozumie sens przebaczenia i unika zejścia z prawidłowej drogi w świetle filozofii chrześcijańskiej. W związku z tym, że kieruje się zasadami moralnymi, a na koniec odnajduje ich uzasadnienie w chrześcijaństwie, ma szansę na spokój ducha oraz szczęście i nie jest zgubiony w przeciwieństwie do Anny. Karenin próbuje przetrwać ten chaos w jego życiu i nie poddaje się. Tym sposobem otwiera sobie drogę do nowego etapu życia, nie zatracą się i ma szansę żyć jako szczęśliwy człowiek, w odróżnieniu od Anny, która wybrała metodę samobójczą, sama siebie osądziła i nie dała sobie szansy na naprawę błędów.

W postaci Karenina można odnaleźć samego Tołstoja. To, co ich wiąże odzwierciedla się w poznawaniu prawd poprzez podążanie za szlachetnymi zasadami etyki moralnej, chęci odkrywania nauk teologicznych i filozofii chrześcijańskiej. Mimo, że Karenin nie przedstawia idealnego chrześcijanina, to jednak wierzy na swój sposób i pogłębia swoją wiarę. Na ostatnich kartach powieści nie osądza już Anny i wreszcie czuje, że nastąpiła w nim jakaś ponadludzka zmiana.

Miłość opisana przez św. Pawła to miłość doskonała. W świetle wiary chrześcijańskiej jest ona darem. Nie każdy od razu rozumie jej sens i cel. Bez względu na to czy jest to miłość do kobiety czy po prostu miłość braterska zrozumienie jej dotyczy tylko niektórych. Życie w gromadzie wymaga ustanowienia norm i zasad, które chrześcijanie odnajdują w Biblii, a miłość pomaga im żyć w zgodzie i akceptacji. Chrześcijańska miłość wystawia człowieka na próbę, to znaczy, że z łatwością mogą przyjść tylko zgubne uczucia. W chwilach kiedy człowiek nie potrafi odpowiedzieć sobie na nurtujące go pytania lub szuka pomocy, kieruje się w stronę religii i wierzy lub po prostu chce wierzyć, że dzięki niej znajdzie spokój ducha, szczęście i odpowiedź.

Karenin podąża za wiarą chrześcijańską, jednak najmocniejszy wpływ mają na niego zasady etyki świeckiej. Są one bliskie Biblii, ale nie nawiązują do duchowości. Przechodzi duchowo-moralny rozwój, który zwieńczony jest sukcesem w poznaniu miłosierdzia. Małżeństwo chrześcijanina powinno opierać się na płaszczyźnie duchowej i ziemskiej, które wzajemnie się uzupełniają, czego zabrakło w małżeństwie Kareninów:

Miłość małżeńska musi być ludzka, czyli obejmować całego człowieka ze wszystkimi jego elementami (duch, intelekt itd.). Człowiek jako jedność psychofizyczna, oprócz tego, co widzialne, nosi w sobie całe bogactwo świata wewnętrznego, niewidzialnego dla zmysłów. Chodzi o bogactwo jego intelektu, życia emocjonalnego, wartości duchowych i każda z tych sfer domaga się odpowiedniego dla siebie aktu miłości, a więc dobra, by mogła rozwijać się w sobie właściwym kierunku. Jeśli więc żona ograniczy swą miłość tylko do sfery fizycznej, nie tylko zuboży swego męża jako człowieka, ale przede wszystkim pozostanie w relacjach

z nim na najniższej płaszczyźnie i nigdy nie będzie w stanie prawdziwie go pokochać, jako całego człowieka²⁷.

To samo należy odnieść do męża, ponieważ więź budowana jest dzięki wspólnej pracy dwóch osób. Połączenie tych samych wartości umożliwia stworzenie mocnej relacji opartej na miłości. Idąc przez życie związek dwojga ludzi musi stawić czoła różnym sytuacjom i kontekstom życiowym. Porozumienie w sferze intelektualnej i emocjonalnej oraz inne czynniki zgodności psychofizycznej, dają ogromne szanse na przezwycięzenie wszelkich problemów życiowych.

Bibliografia:

Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu, Warszawa 2004.

Semczuk A., *Lew Tołstoj*, III wyd., Warszawa 1987.

Szyran J., *Małżeństwo*, <http://mateusz.pl/mt/jsz/11.htm> (dostęp 15.04.2020).

Tołstoj L., *Anna Karenina*, Warszawa 1956.

²⁷ J. Szyran, *Małżeństwo*, <http://mateusz.pl/mt/jsz/11.htm> (dostęp 15.04.2020).

III. Dział translologiczny

Joanna Sawuła

absolwentka studiów magisterskich
Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ

ПРОЗВИЩЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВНИМАНИЯ ЛИНГВИСТОВ И ТРАНСЛАТОЛОГОВ

В отличие от обычных наименований прозвища, как известно, значимы, т. е. несут в себе прозрачную, как правило, мотивировку и немаловажную для характеристики носителя смысловую нагрузку. Прозвища зачастую в состоянии одновременно охарактеризовать данного человека, обозначить его если не главное, то бросающееся в глаза качество, раскрыть отношение к нему окружающих. При этом данная разновидность именования чаще всего характеризуется большим зарядом экспрессивности, иногда сопряженным со словесной игрой или проявлениями интертекстуальности.

Оговоренное выше свойство не только называть, но и в какой-то степени представлять носителя выдвинуто на первый план в определении, данном *Толковым словарем* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: прозвище – это „название, даваемое человеку по какой-н. характерной его черте, свойству”¹. В *Новом словаре русского языка* Т.Ф. Ефремовой, под термином кроется „название, данное человеку помимо его имени (обычно указывающее на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности)”². Приведенные толкования нуждаются в пояснениях, поскольку не раскрывают многоаспектности понятия, которое в оценке многих оценивается как обозначение явления маргинального и совсем не обязательного в практике повседневного общения – человек все-таки в основном пользуется именами.

Для уточнения содержания термина стоит обратиться к более специализированной литературе. Если следовать дефиниции из *Словаря русской ономастической терминологии* (а именно ономастика является областью,

1 *Прозвище*, [в:] С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1997, с. 610.

2 *Прозвище*, [в:] Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка*, т. II, Москва 2001, с. 351.

изучающей имена собственные³), прозвище – это „вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии”⁴. Как видим, в представленной формулировке главные черты прозвища – как и в обычных толковых словарях – определяются в довольно лаконичной форме и, наверное, в неполном объеме. Знакомство с научными статьями и монографиями позволяет расширить теоретические знания о специфике этой формы номинации.

Трактуя прозвище как разновидность „говорящих” имен собственных, транслатологи С. Влахов и С. Флорин очень точно и образно определяют их функциональную специфику в литературном тексте – как „дарование именам собственного голоса”⁵. Главными факторами, предопределяющими причисление прозвищ к разряду „говорящих” имен, являются: внутренняя форма, т.е. способность к нарицательности; аллюзивность, т.е. возможность навести ход мышления читателей на требуемый предмет; своеобразная фонетическая форма, с помощью которой зачастую удерживается игровой эффект. По мнению болгарских ученых, прозвища в совершенстве характеризуют своих носителей благодаря подчеркиванию черт темперамента, внешнего вида и действий⁶. Прозвища к „говорящим” именам относит также В.С. Виноградов, известный советский и российский лингвист и переводчик, который характеризует их как „смысловые, значащие, значимые, номинативно-характеристические”⁷.

Многие исследователи подчеркивают неофициальный характер прозвищного имени. Так, в автореферате кандидатской диссертации Т.Т. Денисовой читаем: „Прозвища – дополнительные, неофициальные именованья человека, использующиеся для наиболее точной, личностной, оценочной характеристики называемого и выделяющие его в коллективе”⁸. Известные лексикографы Х. Вальтер и В.М. Мокиенко среди черт, отличающих прозвища, также называют неофициальность и факультативность (как обязательные характеристики – в отличие от имен и фамилий)⁹. Ссылка на неофициальность прозвища появляется в дефиниции украинского ономаста П.П. Чучки, полагающего, что, прозвище – „вид антропонима, неофициальное личное наименование, которым среда индивидуализирует или характеризует лицо”¹⁰.

3 Ономастика, [в:] *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, под ред. В.Н. Ярцевой, Москва 1998, с. 346.

4 *Прозвище*, [в:] Н.В. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1978, с. 115.

5 С. Влахов, С. Флорин, *Непереводимое в переводе*, Москва 1986, с. 285.

6 Там же, с. 286.

7 В. С. Виноградов, *Лексические вопросы перевода художественной прозы*, Москва 1978, с. 134.

8 Т. Т. Денисова, *Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации [на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области]*, АҚД, Смоленск 2007, с. 3.

9 Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, *Русские прозвища как объект лексикографии*, „Вопросы ономастики” 2005, № 2, с. 55.

10 *Прізвисько*, [в:] П.П. Чучка, *Українська мова: енциклопедія*, Киев 2000, с. 494.

Существенным элементом природы прозвища является выяснение того, что именно влияет на выбор неофициальной модели именования. Ономаст З.П. Никулина пишет о трех главных факторах, способствующих рождению прозвищ: „функциональных особенностях прозвища, эмоционально-экспрессивной отмеченности прозвища и характере речевой ситуации”¹¹. Первый фактор указывает на возможность различить людей по данным прозвищам, так как последние, как правило, строго индивидуальны и обычно не повторяются. Среди черт, характеризующих человека прозвищем, можно назвать, в частности, физические и психические особенности, дефекты речи или вид деятельности человека. Кроме того, прозвище, обладая возможностью оценивать, позволяет выразить эмоциональное отношение к человеку – как положительное, так и отрицательное. Это и есть второе „достоинство” прозвищ. Третий же фактор касается характера речевой ситуации и заключается в том, что употребление прозвищ ограничивается лишь неофициальными ситуациями общения¹².

В некоторых работах имеется указание на то обстоятельство, что в ряде случаев прозвища имеют временный характер¹³, а также отмечается, что они возникают в определенной среде – прежде всего в коллективах, „члены которых между собой так или иначе связаны”¹⁴. Такими коллективами выступают, напр., школы, группы студентов, города, деревни, производства, цехы, общежития¹⁵.

Как своеобразное обобщение приведенных учеными уточнений может служить очень четкая дефиниция, которую находим в монографии лингвиста и ономаста В.К. Чичагова: „Прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества”¹⁶.

Для более полной демонстрации сути явления следовало бы обратиться к представлению функций прозвищ. Конечно же, как и любое собственное наименование, они служат средством номинации, но не называют, а прозывают человека, т. е. носитель прозвища может его получить только при определенных условиях, при этом прозвище не будет входить в состав его официального имени. А.В. Гузнова называет прозвище вторичной антропонимической единицей, которая „обладает экспрессивностью, эмоцио-

11 З. П. Никулина, *О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища*, „Вопросы ономастики” 1980, № 14, с. 116, 118, 120.

12 Там же, с. 120.

13 Г. В. Судаков, Е. А. Славнова, *Детские прозвища как явление языковой игры*, „Русская речь” 2005, № 2, с. 91.

14 А. В. Суперанская, *Современные русские прозвища*, „Folia Onomastica Croatica” 2003–2004, № 12–13, с. 485.

15 Там же, с. 485–486.

16 В. К. Чичагов, *Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.)*, Москва 1959, с. 5.

нальностью, оценочностью, а также мотивированностью”¹⁷. Все упомянутые функции связаны друг с другом. Экспрессивность и эмоциональность указывают на отражение ярких чувств по отношению к носителю прозвища, а оценочность и мотивированность являются свидетельствами субъективности и сильного обоснования выбора прозвища. Важно также отметить, что в функционировании прозвищ – в отличие от имен – гораздо большее значение имеет принцип индивидуализации и дифференциации людей¹⁸.

Три фактора выбора прозвища, о которых упомянула З.П. Никулина, являются универсальными, сопутствуют использованию прозвищ в любых коллективных окружениях с разной, правда, акцентировкой. Например, среди детей реализуется прежде всего эмоционально-экспрессивная функция прозвищ, позволяющая охарактеризовать человека (одноклассника, учителя и др.) по его внешним и внутренним чертам¹⁹. Среди других коллективов важнее может оказаться функция мотивированности – например, среди работников одного завода или жителей данного села, которые могут получать свои прозвища в связи с тем, чем они профессионально занимаются. Вместе с тем в других обществах самой значимой функцией может оказаться оценочность, которая наиболее четко выразит отношение к другому человеку.

Многообразии функций прозвищ позволяет отчетливо выделить их в отдельную группу в системе антропонимикона. Благодаря их неофициальному, факультативному, временному, эмоциональному и оценочному характеру они являются очень интересным объектом исследований. Со многими нюансами функциональной загруженности прозвищ, равно как механизма их образования на материале русского именотворчества трудно разобраться без обращения к истории формирования и развития прозвищного „хозяйства”.

Согласно этимологической справке слово *прозвище* образовалось от глагола *прозвать*, т.е. „дать прозвище, прозвание”²⁰. Интересно, что в других славянских языках это именование распространилось на фамилию, например, в украинском – *прізвище*, белорусском – *прозвішча* или словацком – *priezvisko*²¹. Впрочем, два указанных значения и соответственно два способа „вторичного” именованья человека являются близкими друг другу, что особенно наглядно прослеживается в истории русского имятворчества.

Как показывает экскурс в историю, наиболее тесно прозвища связаны с дохристианскими именами, можно сказать, они просто заменяют последние²².

Н.М. Тупиков во ввводной статье к *Словарю древнерусских личных собственных имен* замечает, что до принятия христианства родители давали

17 А. В. Гузнова, *Прозвища как микроантропонимы: дифференциальные признаки*, „Балтийский гуманитарный журнал” 2016, т. 5, № 3, с. 37.

18 Там же, с. 37.

19 Г. В. Судаков, Е. А. Славнова, *Детские прозвища...*, с. 90.

20 *Прозвать*, [в:] С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *op. cit.*, с. 610.

21 Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, *op. cit.*, с. 54.

22 Т. Т. Денисова, *op. cit.*, с. 8.

своим детям имена „от взора и естества (...) или от времени, или от вещи, или от притчи”²³, т.е. от разных бытовых наименований или рассказов и пересказов историй, имевших место в жизни нарекаемого человека²⁴. Среди имен славянского имеслова с откровенно прозвищным характером можно выделить несколько групп: имена, даваемые по порядку рождения (*Вторко, Первуша, Пятой, Шестакъ*), по отношению к человеку (*Богданъ, Жданъ, Любимъ, Ненаишъ*), по внешности (*Суханко, Великанъ, Грязка, Малюта*), по свойствам характера (*Смирной, Тихомиръ, Дурашка, Нехорошей*) и другие²⁵.

После принятия христианства начали использоваться так называемые календарные имена. Они фиксируются уже в XI веке (*Георгий, Евстафий, Софья, Андрей*)²⁶. Хотя человек получал такое имя при крещении, на практике именовался таковым редко, оставаясь при своем прозвищном ониме (это не касалось именованных разве что духовенства). И хотя столетиями спустя среди князей, бояров и духовных лиц распространялся также двуименный способ нарекания (*въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ; Князь Никола Святъславъ*)²⁷, все-таки более употребительным было прозвищное имя – христианское (календарное) востребовалось только при важных жизненных событиях. Обычай называть людей двумя именами начал распространяться на другие слои общества примерно с XIV века – при этом ни одно из имен не считалось важнее другого. В XV столетии соединение имен встречалось даже применительно к обозначению низов общества, где все-таки чаще употребляемым было некалендарное имя (*Чернь, купецъ; Драка, крестьянинъ*), которое уже тогда начало терять свое формально-номинативное значение и становилось прозвищным²⁸. Считается, что невозможно определить, чье некалендарное имя считалось личным, а чье прозвищем, поскольку это был вопрос воли именуемого²⁹.

Определенные закономерности в практике двучленного именованья этой поры постарался выявить В.К. Чичагов. Исследователь обращает внимание на очередность в расположении имен: христианского (которое он называет греческим) на первом месте и некалендарного (т.е. русского) на втором. Такой порядок указывал на то, что первое имя уже считалось личным, а второе – прозвищным. Нередко к каждой части именованья добавлялись также уточняющие определения *имя и прозвище* (*Латыишъ Матца, а по крещенью имя ему Левка; Да Улиткинъ сынъ Кайбалъ от нихъ збежалъ, а имя ему Гришка; Князь Литовский Иванъ, а прозвище ему Баба; Филка, прозвище Утка*)³⁰.

23 Н. М. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Санкт-Петербург 1903, с. 3–4.

24 Н. Л. Швецова, А. М. Селищев о происхождении, семантике и структуре прозвища, „Мова” 2002, № 7, с. 261.

25 Н. М. Тупиков, *op. cit.*, с. 8–9.

26 Там же, с. 4.

27 Там же, с. 5.

28 Там же, с. 7–8.

29 Там же, с. 16.

30 В. К. Чичагов, *op. cit.*, с. 18–22.

Почти одновременно с календарными именами на Руси появился еще один способ дополнительного именования и различения людей – отчества. Первые упоминания об отчествах датируются серединой X века – они появлялись, например, в списках послов, но были редкостью. В списках XI века наблюдаем употребление отчеств при именах высокопоставленных лиц, например, князей и их детей (*Посадникъ Костянтинъ сын Добрынь, Изославъ Ярославль*, князь Киевский). Интересно, что иногда отчество давалось также от имени деда, что Н. М. Тупиков считает „зародышем фамилий”. Согласно исследованиям этого дореволюционного российского ученого, классика российской исторической антропоники, именования „по батюшке” образовывались также от прозвищ (*Игнатъ Лапшин, Демидъ Жебраковичъ*)³¹. Эту точку зрения не только разделяет, но и развивает известный советский ономаст В.К. Чичагов, который полагает, что прозвищные отчества занимали в именвании человека третье место после имени и собственно-отчества и переходили в следующее поколение по прозвищу отца и даже деда, напр., князь *Иван Васильевич Булгак*, один из его сыновей *Михайло Иванович Булгаков* (прозвище *Голица*) и его внук *Юрьи Михайлович Голицын* или *Юрьи Михайлович Булгаков*. Среди высших слоев общества отчества стали чаще появляться около XIII века, в среде низших – распространение получили гораздо позже, а обычно простолюдины именовались по имени³².

Ситуация русского имятворчества XVI века наглядно отражена в списках опричников Ивана Грозного³³. Здесь представлено несколько структурных типов антропонимов: одно- (*Истомка, Горемыкин*), двух- (*Дияк Петр Григорьев, Михайло Чюбаров*), трех- (*Иван Никитин Берецага, Богдан Микулин Сушин*) и многокомпонентных (*Василией Иванович Умного Колычов*), причем самый объемный материал составляют двухчленные формы именований. В качестве второго компонента использовалось или второе имя, или прозвище, или отчество (иногда прозвищное), или фамилия. Вариантов „имя + прозвище” в этом списке мало, но они есть, напр., *Федко Ляля, Ивашко Сухонос*³⁴.

Очень существенным фактором для развития русского именования является то, что прозвища, став источником прозвищных отчеств, претерпели еще одну трансформацию: послужили источником для образования прозвищных фамилий. Если фамилией считать, как это делает В.К. Чичагов, „наследственное семейное наименование”, которое не изменяется и переносится из поколения в поколение, оказывается, что в основе нынешних русских

31 Н. М. Тупиков, *op. cit.*, с. 21–28.

32 В. К. Чичагов, *op. cit.* с. 71–72.

33 Результаты исследования этого имеслова приводятся в статье: О. Dorczuk, *Антропониимон „служилых людей” Ивана Грозного. (о формальных показателях социального статуса носителей имен)*, „Slavia Orientalis” 2017, № 4, с. 636–645.

34 Большинство именований все-таки образовывались по принципу „календарное имя + отчество”, напр. *Степанко Володин, Данилко Костин, Федор Якимов* и другие.

прозвищных фамилий лежали сначала прозвищные отчества, а прежде – прозвища как таковые, относимые к конкретным предкам. Таким образом, прозвище стало выполнять роль родового прозвания, приобретало значение современной прозвищной фамилии, употребляемой наряду с патронимическими, профессиональными и другими фамилиями³⁵.

Представленный экскурс в историю русского имянаречения показывает, что в настоящее время с прозвищами ассоциируются прежде всего группа дохристианских именовании, даваемых некогда „от взора и естества (...) или от времени, или от вещи, или от притчи”.

Будучи построенными на очевидных, взятых из жизни антропонимических данных, прозвища оказываются материалом, охотно используемым в художественной литературе. Изучением специфики прозвищ в таких текстах занимается научная дисциплина, именуемая литературной (или поэтической) ономастикой³⁶.

Как уже отмечалось, писатели используют прозвища, чтобы охарактеризовать своего героя, подчеркнуть какую-нибудь черту его характера или внешности³⁷; даже построить на основе прозвища образ персонажа, оценить его поведение. Примеры такой практики найдем как в русской классике XIX века, так и в более современных произведениях. Прозвища носят тургеневские герои, например, Касьян из произведения *Касьян с Красивой Мечи*, прозываемый *Блоха*, „чернявый малорослый мужичонка”³⁸, или крестьянин из *Записок охотника*, которому дали прозвище *Хор* (от хорька) после того, когда он поселился в лесу на болоте, или Евграф Иванов, которого все прозывали *Обалдуем*, т. е. человеком с небольшими умственными способностями, в чем он и сам признавался³⁹. Иллюстрацией могут послужить также прозвищные именовании героев произведений XX-го столетия, например, в текстах М.А. Шолохова встречаются: *Подкова* (прозвище казака Якова из *Тихого Дона*, на лице которого был шрам в виде подковы), *Курносый* (прозвище пастуха Кузьки, подчеркивающее форму его носа), *Молчун* (прозвище хуторянина Демиды, указывающее на его молчаливость), *Цаца* (прозвище Атепина Емельяна Константиновича, у которого был дефект речи, так называемое „цаканье”)⁴⁰. В некоторых случаях прозвища в художественных текстах практически заменяют личные имена героев, как, например, анималистичные прозвища у А.П. Чехова: *Илька Собачьи Зубки*, доктор Вознесенский по прозвищу *Щур*

35 В. К. Чичагов, *op. cit.*, с. 109–114.

36 Г. Х. Ибрагимов, *Лингвистические особенности антропонимов в контексте с функционально-семантической оценкой фактов их языка*, „Ученые записки Худжанского государственного университета” 2012, с. 59.

37 О. Г. Курячая, *Прозвища в произведениях М. А. Шолохова*, „Культурная жизнь Юга России” 2012, № 2 (45), с. 89.

38 *Фамилия и прозвище*, сайт „Manyakov.net”, <http://manyakov.net/slovo-o-slovah/familiya-i-prozvishe.html> (дата обращения: 19.10.2019).

39 Там же.

40 О. Г. Курячая, *op. cit.*, с. 89.

или полутглухая старуха *Сычиха*⁴¹. Заметим, что в таких именовании́ях большая акцентировка падает на характеризующее начало, чем на назывное. По словам Е. Поляковой, „много интересного заключено в прозвищах. Видны в них и буйная фантазия авторов, и наблюдательность, умение выделять в человеке какие-то черты, которые характеризуют и тех, кому дают, и тех, кто дает. Свидетельствуют об их доброте или юморе, или даже недоброжелательности”⁴².

Приведенные примеры являются наглядным подтверждением звучавшего выше тезиса о сближении прозвищ с „говорящими” именами, так как благодаря своей форме или аллюзии, которую в себе несут, и те, и другие многое „говорят” о носителе – герое произведения. В прозвищах нередко содержится самая лаконичная характеристика персонажа, и в этом отношении они являются „содержательнее” личного имени.

Фактором, который позволяет причислить прозвища к категории „говорящих” имен, является заключение в них наиболее примечательных, бросающихся в глаза свойств. Приведем слова Н.В. Гоголя, который утверждал, что прозвища настолько соответствуют их носителям, что „нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, – одной чертой обрисован ты с ног до головы!”⁴³. Именно такими во всяком случае они видятся в глазах автора художественного текста и потом переводчика. Это свойство прозвищ выделяют С. Влахов и С. Флорин, когда причисляют к этой группе онимов „имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой”⁴⁴. При их передаче от переводчика требуется творческий подход. Вот как об этом пишет переводчица Нора Галь: „(...) необходимо искать какие-то замены, чтобы не тускнели краски автора и ничего не терял читатель (...) одно плохо всегда – обычное оправдание, сноски: *непереводимая игра слов*”⁴⁵. Передача прозвищ на другой язык не принадлежит к самым простым задачам, но задача эта является вполне разрешаемой.

Основным материалом художественной литературы, как, впрочем, и житейской практики являются „обычные” собственные имена, как паспортные, так и разговорные (*Евгений Онегин*, *Татьяна Ларина*)⁴⁶. Как известно, в переводе они, как правило, передаются с помощью транскрипции или транслитерации. Однако за пределами этой антропонимической группы остается обособленный разряд именовании́я героев – тот самый, о котором идет речь в данной статье. Его наличие позволяет весь художественный антропони-

41 Р. М. Иманкулова, *Поэтика имени в ранней прозе а.п. чехова: зоологический ономастикон*, „Ученые записки казанского университета”, сер.: „Гуманитарные науки” 2016, т. 158, кн. 1, с. 128.

42 Г. Х. Зиннатуллина, *Особенности употребления прозвищ в художественной литературе*, „Известия ВГПУ” 2013, №4 (79), с. 73.

43 Н. В. Гоголь, *Мертвые души*, Пермь 1973, с. 102–103.

44 С. Влахов, С. Флорин, *Непереводимое в переводе*, Москва 1980, с. 216.

45 Г. Ф. Ковалев, *Имена в художественном тексте и проблемы их перевода*, [в:] его же, *Избранное. Литературная ономастика*, Воронеж 2014, с. 409.

46 В. С. Виноградов, *op. cit.*, с. 134.

микон разделить на две группы: „имена собственные, скроенные авторами по существующим моделям (...) [*Рахметов, Грацианский*] (...) они называют предмет мысли, соотносятся с конкретным персонажем или объектом, локализуя его во времени и пространстве”⁴⁷ и „книжные имена, которые совмещают в себе характеристики собственного и нарицательного имен (...) они не только указывают на объект мысли, но и характеризуют его обычно с иронической или сатирической точки зрения. Ядром группы являются прозвища и значимые имена собственные”⁴⁸.

Имена с номинативно-характеристической значимостью используются в русской литературе очень часто. Помимо приведенных выше ссылок, вспомним, например, о творчестве Д.И. Фонвизина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также советских писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова, В.В. Маяковского или В.М. Шукшина. Приемы создания этими творцами „говорящих имен” своим персонажам становятся ориентиром для переводчиков, которые стараются повторить на ином языковом материале авторские решения⁴⁹. Таким образом опыт названных и многих других мастеров слова в области художественного имятворчества влияет на развитие практики перевода, лишней раз подтверждая верность мнения транслатологов-теоретиков, настаивающих на том, что необходимо переводить значимые имена, а не их транслитерировать и транскрибировать. Понятно, что принципы перевода „говорящих” имен являются иными, нежели принципы передачи имен обычных. Как для читателя оригинала, так и для читателя перевода должны быть понятны смысл и эмоциональная окраска имени, названные же выше приемы не позволяют это достичь⁵⁰.

Конечно, не существует единого универсального способа передачи прозвищных имен, необходим учет специфики каждого конкретного примера, но самым распространенным приемом переводческой трактовки этого материала считается калькирование. Примеры его использования найдем, например, в переводах произведений Д. Р. Р. Толкиена, клички пони переданы на русский как: *Fatty Lumpkin* – *Толстячок Дурашка*, *Sharp Ears* – *Остроух*⁵¹. Нередко калькирование переводчикам приходится сочетать с иными привносимыми в перевод элементами, например, добавлением специфических суффиксов при указании на национальность героя – ср. форму фамилии *генерала Побединга* в переводе текста Терри Пратчетта (в оригинале *general Goodwin* [из английского ‘славная победа’])⁵².

47 Там же.

48 Там же.

49 Там же, с. 136.

50 В. С. Виноградов, *op. cit.*, с. 136.

51 Е. М. Божко, *Анализ приемов передачи квазиреалий в переводе на русский язык романа Джона Р. Р. Толкина „Властелин Колец”, выполненном А.А. Грузберггом, „Вестник ЧПГУ” 2010, № 1, с. 244.*

52 О. В. Сергеева, И. А. Кондакова, *Особенности перевода говорящих имен с английского языка на русский*, [в.:] *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки:*

Впрочем, возможности обращения к транскрипции и транслитерации при передаче значимых имен собственных также не стоит сбрасывать со счетов. Как известно, *Don Quijote* и *Sancho Panza* Мигелья де Сервантеса в русском переводе остались *Дон Кихотом* и *Санчо Пансой*, хотя это тоже значащие имена (по испански 'quijote' обозначает 'тот, кто пытается радовать других' или 'ищущий правды', а 'panza' – 'живот'). Однако нельзя в данном случае заявить, что переводчик ошибся, ведь требование передачи смысла „говорящих” имен, имеющее сегодня характер закона, отнюдь не всегда имело такой статус. Как видим, выбор переводческого решения зависит от разных обстоятельств, в том числе традиции исходной и переводной литературы; места, которое данный текст занимает в истории литературы данного народа. Применительно к героям Сервантеса эмоционально-оценочная окраска имен менее значима, чем их национальная сущность, поэтому транскрипция даже с позиций сегодняшнего дня может оцениваться в качестве вполне целесообразной⁵³. А после того как имена названных героев вошли в литературный канон, приводить их в другой форме уже нельзя, поскольку, как верно заметил Н.М. Любимов „мы с ними свыклись, мы с ними сжились”⁵⁴.

В числе других способов передачи прозвищ назовем обращение к функциональным заменам. Подыскивая функциональные аналоги, переводчик в состоянии воссоздать иронический или комический характер данного имени. Например, в русском переводе „Гаргантюа и Пантагрюэль”, автором которого является упомянутый выше Н.М. Любимов, появляется целый ряд шуточных значащих имен, переведенных именно таким образом. Вот перечень некоторых поварских прозвищ, который М. Бахтин оценил как „громкую кухню и пир в форме собственных имен”⁵⁵: „Carbonnade (котлета) – *Подавай*, Fressurade (потроха) – *Подливай*, Moustamoulue (мозги) – *Фрикасе*, Galimafre (бигос) – *Антрекот*, (...) Lardonnet (сало) – *Жри-жри*, (...) Croquelardon (хрупкое сало) – *Нежри*, (...) Roidelardon (твердое сало) – *Салоешь*”⁵⁶ и т. д.

Приведенный материал позволяет констатировать, что исследователям, изучающим функционирование прозвищ в литературном тексте, приходится обращаться к широкому общефилологическому набору знаний, а переводчики при передаче значимых имен собственных могут использовать целый комплекс разнообразных решений. Залогом успеха является творческий подход к каждому примеру.

сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3 (30), <<https://bitly.su/5dTSHY>> (дата обращения: 30.09.2019).

53 В. С. Виноградов, *op. cit.*, с. 148.

54 В. С. Виноградов, *op. cit.*, с. 149.

55 Там же, с. 147.

56 Там же.

Список использованной литературы:

- Божко Е.М., *Анализ приемов передачи квазиреалий в переводе на русский язык романа Джона Р. Р. Толкина „Властелин Колец“, выполненном А.А. Грузбергом*, „Вестник ЧПГУ“ 2010, № 1, с. 238–248.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М., *Русские прозвища как объект лексикографии*, „Вопросы ономастики“ 2005, № 2, с. 52–69.
- Виноградов В.С., *Лексические вопросы перевода художественной прозы*, Москва 1978.
- Влахов С., Флорин С., *Непереводимое в переводе*, Москва 1980.
- Влахов С., Флорин С., *Непереводимое в переводе*, Москва 1986.
- Гоголь Н.В., *Мертвые души*, Пермь 1973.
- Гузнова А.В., *Прозвища как микроантропонимы: дифференциальные признаки*, „Балтийский гуманитарный журнал“ 2016, т. 5, № 3, с. 36–39.
- Денисова Т.Т., *Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации [на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области]*, АКД, Смоленск 2007.
- Зиннатуллина Г.Х., *Особенности употребления прозвищ в художественной литературе*, „Известия ВГПУ“ 2013, №4 (79), с. 72–76.
- Ибрагимов Г.Х., *Лингвистические особенности антропонимов в контексте с функционально-семантической оценкой фактов их языка*, „Ученые записки Худжандского государственного университета“ 2012, с. 57–71.
- Иманкулова Р.М., *Поэтика имени в ранней прозе а.п. чехова: зоологический ономастикон*, „Ученые записки казанского университета”, сер.: „Гуманитарные науки“ 2016, т. 158, кн. 1, с. 126–132.
- Ковалев Г.Ф., *Имена в художественном тексте и проблемы их перевода*, [в:] его же, *Избранное. Литературная ономастика*, Воронеж 2014, с. 404–416.
- Курячая О.Г., *Прозвища в произведениях М. А. Шолохова*, „Культурная жизнь Юга России“ 2012, № 2 (45), с. 89–91.
- Никulina З.П., *О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища*, „Вопросы ономастики“ 1980, № 14, с. 116–121.
- Ономастика*, [в:] *Большой энциклопедический словарь. Языковедение*, под ред. В.Н. Ярцевой, Москва 1998, с. 346.
- Прізвисько*, [в:] П.П. Чучка, *Українська мова: енциклопедія*, Киев 2000, с. 494.
- Прозвище*, [в:] Н.В. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1978, с. 115.
- Прозвище*, [в:] С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1997, с. 610.
- Прозвище*, [в:] Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка*, т. II, Москва 2001, с. 351.
- Сергеева О.В., Кондакова И.А., *Особенности перевода говорящих имен с английского языка на русский*, [в:] *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3 (30)*, <<https://bitly.su/5dTSHY>> (дата обращения: 30.09.2019).
- Судаков Г.В., Славнова Е.А., *Детские прозвища как явление языковой игры*, „Русская речь“ 2005, № 2, с. 90–95.
- Суперанская А.В., *Современные русские прозвища*, „Folia Onomastica Croatica“ 2003–2004, № 12–13, с. 485–498.
- Тупиков Н.М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Санкт-Петербург 1903.
- Фамилия и прозвище*, сайт „Manyakov.net”, <http://manyakov.net/slovo-o-slovah/familiya-i-prozvishe.html> (дата обращения: 19.10.2019).
- Чичагов В.К., *Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.)*, Москва 1959.
- Швецова Н.Л., А.М. Селищев *о происхождении, семантике и структуре прозвища*, „Мова“ 2002, № 7, с. 26–266.
- Dorczuk O., *Антропонимикон „служилых людей” Ивана Грозного. (о формальных показателях социального статуса носителей имен)*, „Slavia Orientalis” 2017, № 4, с. 636–645.

IV. Dział kulturologiczny

Dominika Potocka

absolwentka studiów licencjackich
Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ

PRZEGLĄD PORTALI SPOŁECZNOŚCIOWYCH

Według raportu *Digital 2019* opublikowanego przez „Hootsuite” i „We Are Social” w roku 2018 użytkowników Internetu było 4,388 milionów, z czego wynika, że korzystający z sieci to aż 57% populacji całego świata. Użytkownicy spędzają średnio po 6 i pół godziny dziennie na przeglądaniu Internetu. Numerem jeden wśród serwisów społecznościowych jest Facebook, który ma ponad 2,271 mld użytkowników, na drugim miejscu jest portal Youtube, a tuż za nim serwis Instagram¹. W następstwie tego ludzie coraz częściej komunikują się za pomocą Internetu, a popularność serwisów z roku na rok drastycznie wzrasta. Dlatego też warto podkreślić jak istotną funkcję pełnią niżej omówione portale społecznościowe w akcie komunikacyjnym.

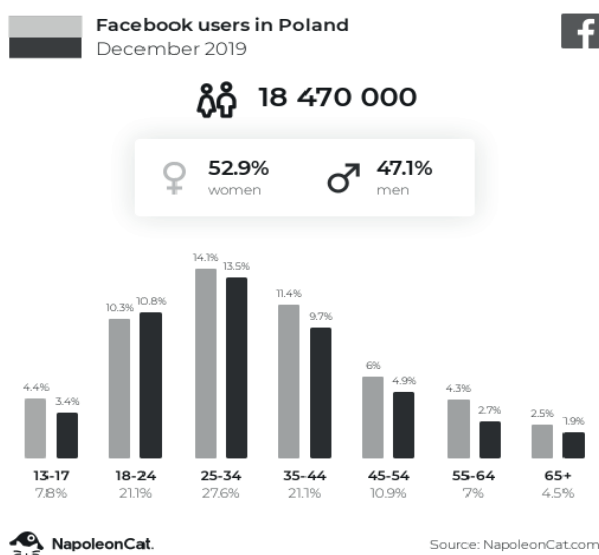
1) Facebook

Czołowe miejsce wśród serwisów społecznościowych zajmuje Facebook, który został stworzony przez grupę studentów z Harvardu w 2004 roku. Aktualnie Facebook zrzesza 1,7 miliarda użytkowników, a jego wartość określa się na 61,9 miliardów dolarów². W 2012 roku Facebook przejął także pod swoją kontrolę portal społecznościowy Instagram, którego założycielami są Kevin Systrom i Mark Krieger. Facebook posiada dużą możliwość podejmowania różnych działań, jednak głównym jego celem jest pozwolenie nam na utrzymywanie kontaktu ze znajomymi. Z naszego konta otrzymujemy dostęp do śledzenia zaplanowanych wydarzeń kulturalnych, sławnych osób, lokalnych i globalnych firm, a także do rozrywki. Portal w łatwy sposób daje nam możliwość do udostępniania prywatnych zdjęć i filmów, prowadzenia konwersacji, zarówno przez rozmowę video, jak i pisząc na

1 *Global digital Report 2019*, <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> [data dostępu: 21.04.2020].

2 J. Kowalska, *Historia potęgi, czyli jak Facebook podbił świat*, <https://marketingibiznes.pl/social-media/historia-potegi-czyli-jak-facebook-podbil-swiat/> [data dostępu 15.01.2020].

czacie, prowadzenia transmisji na żywo, promowania swojej firmy, grania w gry wideo, a ponadto dołączenia do grup społecznościowych, na przykład powiązanych zainteresowaniami. Opcji jest niezliczenie wiele, a sam Facebook pochłania niebywale mnóstwo czasu. Każdy użytkownik może podjąć różne działania wobec drugiego posiadacza konta na platformie Facebook, takie jak komentowanie postów, kliknięcia przycisku akceptacji lub wyrażenia opinii, czyli *Lubię to*, a ponadto udostępniać jego materiał na swoją tablicę, która jest specjalnym miejscem personalizacji przez użytkownika. Liczba użytkowników portali stale rośnie, przykładowo w Polsce w grudniu 2019 roku liczba użytkowników kont społecznościowych na platformie Facebook wynosiła 18 470 000, co daje 48.6% całej populacji Polski, co ilustruje poniższa grafika.

Ilustracja 1. Zróżnicowanie wiekowe użytkowników portalu Facebook, źródło: <https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-poland/2019/12> [data dostępu: 15.01.2020].

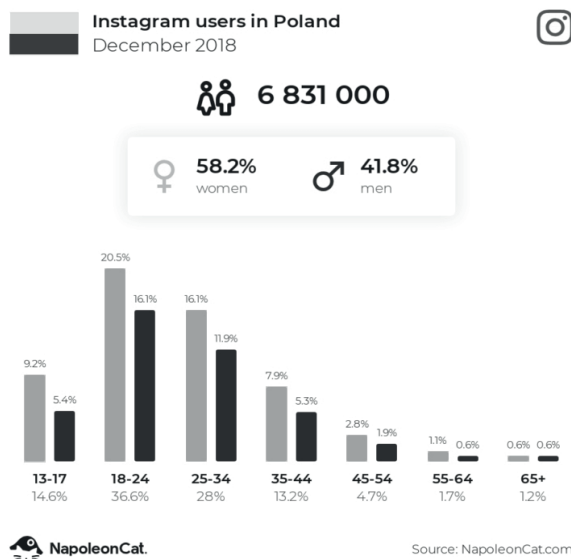
Największą grupą użytkowników są osoby w przedziale wiekowym od 25 do 34 lat, jednakże ze statystyki wynika, iż grupy 18–24 lat i 35–44 lat w podobnym stopniu korzystają z kont na portalach społecznościowym Facebook. Warto zaznaczyć, że w prawie każdym przedziale wiekowym liczba użytkowniczek portalu Facebook przewyższa liczbę męskich posiadaczy kont, oprócz przedziału od 18 do 24 lat.

2) Instagram

Portal społecznościowy powstał w 2010 roku, a jego twórcami są Kevin Systrom i Mark Krieger, jednak aktualnym właścicielem całej platformy jest Facebook. Jest

to przede wszystkim serwis fotograficzny, który pozwala posiadaczom kont na publikowanie zdjęć i video, a także na ich edycję specjalnymi filtrami. Korzystać z portalu Instagram mogą osoby powyżej 13 roku życia. Zasadniczą różnicą pomiędzy Facebook'iem, a Instagram'em jest to, że Facebook w głównej mierze służy do komunikowania się, a Instagram do dzielenia się prywatnymi fotografiami. Portal ten jest drugim w kolejności portalem co do popularności w Polsce, a jego liczba użytkowników stale rośnie. Serwis społecznościowy Instagram jest przede wszystkim aplikacją na telefon, oczywiście jest możliwe logowanie się za pośrednictwem strony WWW jednak wtedy opcji jest dużo mniej.

Przed wszystkim portal ten dedykowany jest użytkownikom smartfonów i dlatego też w dalszej części będzie omawiana aplikacja dostępna do pobrania za darmo z internetowego sklepu Google Play bądź App Store. Na dole strony głównej znajduje się 5 przycisków, które przenoszą nas w kolejne ekrany z różnymi funkcjami Instagrama. Po zalogowaniu się na platformę ukazuje się nam strona główna, na której znajdują się zdjęcia osób, które obserwujemy. Zaobserwować profil możemy na tej samej zasadzie co zaprosić znajomego na Facebook'u. Na stronie głównej, w prawym górnym rogu znajduje się również folder z wiadomościami i w ten sposób możemy kontaktować się indywidualnie z innymi osobami. Obok przycisku strony głównej znajduje się kolejna funkcja, czyli lupka, która pozwala nam na wyszukiwanie interesujących nas kont, a przy okazji wyświetla propozycje, które mogą zwrócić naszą uwagę lub być z nami w jakiś sposób powiązane. Następnie przechodząc do kolejnego ekranu pojawia się opcja publikacji zdjęcia z biblioteki w telefonie, możemy je także edytować, nałożyć filtry, przyciąć. Po kliknięciu dalej przechodzimy do opisu zdjęcia, w którym możemy użyć hashtagów, dzięki którym publikowane zdjęcie pojawi się w różnych miejscach na Instagramie. Hasztagi opisują to, co znajduje się na fotografii lub video, a także klasyfikują do zbioru postów o podobnej tematyce. W tym oknie równocześnie znajduje się kilka opcji np. dołączenie lokalizacji, gdzie była zrobiona fotografia oraz osób, z którymi się tam znajdowaliśmy. Czwartym oknem są aktywności, czyli tak jak sama nazwa wskazuje, czynności podjęte przez innych użytkowników portalu, możemy sprawdzić od kogo dostaliśmy polubienie do zdjęcia, czyli tak zwane serduszko, kto skomentował nasze zdjęcie, a także kto nas zaobserwował. Na Instagramie funkcjonują charakterystyczne wyrażenia, dlatego też serduszko oznacza to samo co przycisk *Lubię to!* na Facebook'u, a często zamiast słowa *'zaobserwować'* używa się słów *dać follow*, co tłumacząc z języka angielskiego oznacza *podążać, śledzić*. I już ostatnim ekranem jest nasz profil, na którym w formie siatki układają się nasze fotografie. Znajdują się tam także zdjęcie profilowe, liczba postów, liczba tzw. followersów, czyli fanów, liczba osób, obserwowanych przez nas, nasz opis profilu, a także ustawienia konta.

Ilustracja 2. Zróżnicowanie wiekowe użytkowników portalu Instagram, źródło: <https://napoleoncat.com/stats/instagram-users-in-poland/2019/12> [data dostępu: 20.02.2020].

Ze statystyk wynika, że platforma społecznościowa Instagram cieszy się dużą popularnością podobnie jak Facebook. Bazując na statystykach z grudnia 2019 roku można zaobserwować, że portalu społecznościowego Instagram zaczynają używać już nastolatki od 13 roku życia, natomiast górna granica wieku użytkowników sięga najwyżej 65 lat, choć warto zauważyć, że jest to znikomy procent. Największą grupą posiadaczy kont w powyższym serwisie jest grupa mężczyzn i kobiet od 18 do 24 roku życia. Ponadto należy podkreślić, iż różnica pomiędzy żeńskimi, a męskimi profilami jest nieznaczna, co mogłoby wydawać się nieoczywiste. Nieoczywiste ze względu na to, że często kobiety swobodniej czują się przed obiektywem.

3) Twitter

Twitter istnieje od marca 2006 roku, a jego założycielami są Jack Dorsey, Ev Williams, Noah Glass oraz Bizz Stone. Według strony Alexa.com portal zajmuje 49 miejsce wśród najbardziej popularnych stron w sieci, w statystyce zajmują miejsce także portale wyżej opisane – Facebook 6 miejsce; Instagram 30 miejsce³. Rejestracja wygląda identycznie jak na inne portale społecznościowe, jednak jego polityka nieco się różni. W języku angielskim słowo *tweet* oznacza ćwierkanie, ćwierkać. Jako czasownik *tweetować* w języku polskim oznacza pisanie na Twitte-

³ *The top 500 sites on the Web*, <https://www.alexa.com/topsites> [data dostępu: 20.02.2020].

rze. Użytkownik portalu ma możliwość wysyłania i odczytywania tak zwanych *tweetów*. *Tweet* jest to wiadomość składająca się tylko z 280 znaków, która wyświetla się na autorskim profilu, a także wszystkim użytkownikom, którzy śledzą podany profil. Istnieje również możliwość *tagowania* (tag poprzedza znak #) oraz udzielenia odpowiedzi innemu użytkownikowi (@nazwa_użytkownika plus komunikat, oznacza odpowiedź). Posiadacze konta mogą notować niedługi komunikat na indywidualnym profilu na Twitterze poprzez stronę www, SMS-em bądź poprzez aplikację mobilną. Na profilu mamy możliwość także ustawić swoje zdjęcie profilowe i dodatkowo zdjęcie w tle. Obserwowanie interesujących nas profili wygląda tak samo jak na platformie Instagram. Poprzez obserwację innych kont tworzymy stronę główną, czyli tak zwany *feed*, na którym widzimy treści przez nich publikowane. Portal głównie skupia się na treści, a nie na elementach estetycznych, czyli fotografiach czy filmach. Krótkie wpisy najczęściej zawierają ważną informację opisaną w zwięzły sposób, dlatego z łatwością użytkownicy natrafiają na konkretny wpis o ciekawej treści. Ze statystyk wynika, że z portalu korzystają zarówno mężczyźni i kobiety ze średnim wykształceniem, a także z wyższym, często posiadaczami kont są politycy, celebryci, dziennikarze i publicyści. Możemy nazwać Twittera mikroblogiem, a więc jest on takim serwisem, na którym pojawiają się krótkie przemyslenia zróżnicowanych ludzi w odniesieniu do wydarzeń ze Świata.

Polscy użytkownicy Twitter.com w lutym 2018 roku (badanie Gemius/PBI) WIRTUALNEMEDIA.PL					
cecha	realni użytkownicy	średni czas	zasięg	udział	affinity
miejsce zamieszkania					
wieś	1 512 522	0:09:22	14,30%	32,79%	86,62
miasto do 20 tys.	523 966	0:12:10	15,39%	11,36%	93,23
miasto 20-50 tys.	535 300	0:16:35	16,11%	11,61%	97,62
miasto 50-100 tys.	430 373	0:13:30	15,45%	9,33%	93,61
miasto 100-200 tys.	425 600	0:08:44	17,97%	9,23%	108,83
miasto 200-500 tys.	433 533	0:12:03	19,79%	9,40%	119,90
miasto powyżej 500 tys.	751 233	0:16:08	22,81%	16,29%	138,18
wykształcenie					
niepełne podstawowe	116 650	0:23:04	8,97%	2,53%	54,35
podstawowe	255 718	0:08:40	9,85%	5,54%	59,65
gimnazjalne	156 334	0:17:32	12,07%	3,39%	73,12
zasadnicze zawodowe	492 572	0:13:05	13,80%	10,68%	83,59
niepełne średnie	200 282	0:17:14	14,93%	4,34%	90,47
średnie	1 206 110	0:10:55	17,40%	26,15%	105,44
pomaturalne	399 873	0:09:19	18,25%	8,67%	110,54
licencjat	197 557	0:19:24	17,49%	4,28%	105,93
niepełne wyższe	283 612	0:13:20	22,25%	6,15%	134,77
wyższe	1 303 819	0:10:56	20,65%	28,27%	125,11

Ilustracja 3. Klasyfikacja polskich użytkowników Twittera na podstawie miejsca zamieszkania i wykształcenia, źródło: <https://www.tabletowo.pl/polski-twitter-w-polsce-raport-statystyki/> [data dostępu: 20.02.2020].

4) Nasza klasa.pl

Jako jedynym z omawianych portali społecznościowych Nasza klasa jest polskim serwisem społecznościowym. Został on stworzony na wzór portalu Classma-

tes.com⁴ przez polskich przedsiębiorców Macieja Popowicza, Michała Bartoszkiewicza, Pawła Olchawę oraz Łukasza Adzińskiego. Jego początki sięgają 2006 roku, a pierwotnym zamysłem było wyszukiwanie znajomych ze szkolnych lat i nawiązanie z nimi ponownie kontaktu. Przez kilka lat w Polsce portal cieszył się dużą popularnością, w szczególności zestawiając go z Facebookiem. Wielu Polaków zakładało konta, nawet ci, którzy nie mieli do czynienia z Internetem nigdy wcześniej. Po pewnym czasie natomiast algorytm się odwrócił i wielu posiadaczy kont zrezygnowało z polskiego odpowiednika Facebooka. Aktualnie można pokusić się o stwierdzenie, że portal ten nie jest już użytkowany, natomiast został wspomniany ze względu na tendencję do powstawania tego typu serwisów w różnych krajach. Za przykład może posłużyć portal społecznościowy z podobnej polityce Одноклассники, który powstał w Rosji.

5) Vk.com (WKontaktie)

Natomiast w Rosji pojawia się ich wersja serwisu społecznościowego Facebook. Jest to portal Vk.com, dawniej WKontaktie, który powstał w 2006 roku i którego założycielem jest Paweł Durow. W tym okresie nie istniała jeszcze rosyjska wersja językowa Facebooka, dlatego portal od samego początku zyskał duże zainteresowanie. Jak donoszą statystyki aktualnie cieszy się on dużą popularnością, plasuje się na 20 miejscu wśród najpopularniejszych stron internetowych po względem liczby odwiedzin.⁵ Wynika z tego, że prześciga on serwis Instagram aż o 10 miejsc, co daje bardzo dobry wynik. Strona jest nie tylko popularna w Rosji, ale także w państwach sąsiednich, takich jak Ukraina, Białoruś czy Mołdawia. Podobnie jak w wyżej opisywanych portalach zasada jest prosta, by być użytkownikiem Vk.com potrzebne jest stworzenie konta. Dalej możemy dzielić się informacjami, zarówno w postaci tekstu, jak i w postaci graficznej, czyli fotografiami. Ponadto użytkownicy mogą tworzyć grupy społecznościowe powiązane wspólnymi zainteresowaniami, a także organizować różnego rodzaju spotkania i wydarzenia. Istnieje także możliwość oglądania filmów, słuchania muzyki oraz grania w gry.

Zakończenie

Internet to swego rodzaju przestrzeń, która zawiera w sobie niezliczenie wiele informacji i pozwala kreować siebie na kogoś kim chce się być. Komunikaty przesyłane za pomocą portali społecznościowych są dynamiczne, nadawca wysyłając jakiś przekaz liczy na reakcję swojego odbiorcy. Komunikacja internetowa nie zawiera ograniczeń terytorialnych. Komunikować się możemy z dowolnego zakątka ziemi, a nasz przekaz jest natychmiastowy. Również użytkownicy portali mogą pozostać anonimowi, nie ujawniając swojego wizerunku. Dodatkowo nasza korespondencja

4 Portal społecznościowy stworzony w 1995 roku.

5 Wg strony Alexa.com *The top 500 sites on the Web*, <https://www.alexa.com/topsites> [data dostępu: 20.02.2020].

zostaje zachowana w archiwum, narzędzia, które umożliwiają nam kontakt zachowują bazę dotychczasowych wiadomości.

Bibliografia

Global digital Report 2019, <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019> [data dostępu: 21.04.2020].

Klasyfikacja polskich użytkowników Twittera na podstawie miejsca zamieszkania i wykształcenia, <https://www.tabletowo.pl/polski-twitter-w-polsce-raport-statystyki/> [data dostępu: 20.02.2020].

Kowalska J., *Historia potęgi, czyli jak Facebook podbił świat*, <https://marketingibiznes.pl/social-media/historia-potegi-czyli-jak-facebook-podbil-swiat/> [data dostępu 15.01.2020].

The top 500 sites on the Web, <https://www.alexa.com/topsites> [data dostępu: 20.02.2020].

Zróżnicowanie wiekowe użytkowników portalu Facebook, <https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-poland/2019/12> [data dostępu: 15.01.2020].

Zróżnicowanie wiekowe użytkowników portalu Instagram, <https://napoleoncat.com/stats/instagram-users-in-poland/2019/12> [data dostępu: 20.02.2020].

